Великие люди эпохи

Любовь

ПОЛИЩУК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Любовь Полищук — известная каждому в нашей стране актриса, прекрасно исполнявшая романтические и комедийные роли. Она отлично чувствовала себя в слегка хулиганском амплуа, раскрывала саму себя каждый раз с новой стороны. Что можно сказать об этой звезде театра и кино? Казалось бы, все уже сказано, но интересные детали судьбы актрисы, ее детство и юность, подробности первой любви и отношений с мужем, дочерью и сыном помогут вам взглянуть на кумира миллионов по-новому, открыть для себя любимую с детства героиню с новой стороны и удивиться тому, какой удивительной была ее жизнь. Роковая женщина и клоунесса, хулиганка всея Руси — все это любимая актриса Любовь Полищук.

- Анна Ярошевская
  - Беззаботное детство
  - Тернистый путь к мечте
  - Сердце не обманет
  - Замужество — дело серьезное
  - Первая известность
  - Судьбоносные решения
  - Взлеты и падения
  - Самое главное знакомство в жизни
  - Новая семья
  - Вещий сон
  - На капле выдавливать из себя… мужика
  - Театральный дом
  - На пике славы
  - Мечты сбылись
  - Талант не разменивают
  - Люба и «Няня»
  - Яблоко от яблоньки
  - Трагическая история болезни
  - Мемориал
  - Панихида

Анна Ярошевская
Любовь Полищук

Быть счастливой несмотря ни на что!

Беззаботное детство

Омск. На дворе стоял суровый послевоенный 1948 год. Молодая рабочая семья еле сводила концы с концами. Гриша — обычный строитель на железной дороге. Оля — швея, практически постоянно безработная. О каком достатке может идти речь? Но супруги очень хотели, чтобы их семья росла. И с другой стороны, кому в те времена приходилось легко? Поэтому, несмотря на все финансовые сложности, парой было принято решение завести малыша. Беременность Оли принесла семье большую радость. Гриша окружил ее любовью и заботой, буквально сдувал с нее пылинки. Но денег стало еще меньше — Гриша не разрешал Оле много работать. Долгожданная беременность протекала без проблем и пришла к своему логическому завершению двадцать первого мая 1949 года. В этот теплый весенний день на свет появилась девочка по имени Люба. Так молодая семья стала отмечать в мае сразу два праздника: День Победы — девятого мая, и День рождения Любочки — двадцать первого.

Малышка принесла семье много радости. Девочка росла не по дням, а по часам. Любопытство Любы не знало границ. Но всем было видно, что Люба — девочка необычная, особенная. Все дети как дети, а Люба — артистка! Очень большой популярностью в те годы пользовалось кино. Абсолютно все Любины сверстники им просто бредили — собирали разнообразные открытки с изображением своих кумиров, пытались им подражать. Люба — нет. Люба точно знала, чего она хочет от этой жизни. Стать балериной! Она представляла себя танцующей на большой сцене театра, в белоснежной пачке, под светом софитов… Только родители за порог — Люба мчится к зеркалу и принимает разнообразные балетные позы. А сколько открыток с изображением балерин у нее было — не счесть!

Четко зная, каким будет ее будущее, Люба везде и всюду искала возможности понаблюдать за знаменитостями. Но финансовое положение семьи не налаживалось, и телевизора у Любы в доме не было. Но она не расстраивалась. Однажды мама Любы заметила, что та слишком часто мотается к девчонке, живущей в домишке за оврагом:

— Любка, ты чего это там болтаешься целыми днями? Тебе что, по дому работы мало? — возмущенно допытывалась она.

Люба молчала. А затем выкрикнула:

— Ничего ты не понимаешь, мама! У нее штука такая есть — те-ле-ви-зор! Там знаешь чего показывают? Все показывают! И все

красивые такие! И жизнь у них такая красивая!

— Телевизор! Придумала тоже! И чего? Разговариваешь ты-то с девонькой как? Она ж немая как рыба! — не успокаивалась мать.

— А ты не переживай, мама, — отвечала Люба. — Разговариваю. Я ради телевизора язык немых выучила.

— Ишь какая корыстная! — воскликнула Оля.

— Я не корыстная! Сама подумай — и девчонке не скучно, и мне полезно. Я вот насмотрюсь, как они там все это делают, научусь, а потом, вот увидишь, сама в телевизор залезу! Вы на меня смотреть будете, а я вам ручкой махать! — парировала Люба. Тут-то Оле и стало понятно, что проблем с Любкой будет — не оберешься. Упертая девка страшно!

И Олины сомнения оправдались. Совсем скоро Люба начала заявлять о своих конкретных планах на будущее — стать артисткой.

— Любка, ты совсем сбрендила что ли? Ты будешь только строителем! Решено! А глупости свои ты из головы выкинь! Слышишь? Выкинь! — гневно пытался достучаться до Любы отец Гриша. Не оставалась в стороне и мама Оля:

— Ну не хочешь строителем — будь швеей, как я! Тоже ведь профессия! А артистка — это шо? Только дурь одна.

— Папа, ну какой строитель? Я тебе что, мужик что ли? Мама, а ты о чем? Швея! Да у тебя самой-то за всю жизнь сколько работы было? На пальцах заказы пересчитать можно. Это работа разве? Да и вообще. Нудятина одна. Я не хочу так. Не хочу! Я жить хочу своей работой! Жить! Понимаешь? — держала оборону Люба.

— Любка! Задача работать — это задача мужика! Главы семьи! А ты хто? Ты ж будущая женщина, мать! Тебе замуж главное выйти, а остальное — буйт как буйт! — пыталась переубедить строптивую девчушку Оля.

— Мама, какой мне замуж? Посмотри на меня — я гадкий утенок! Ноги длиннющие, кривые, сама вся худющая, жуткая уродина! Я как тот цыпленок синий, которых у нас продают! Я вся в комплексах, общаться не умею и не люблю! Какой муж? Нет, мам, здесь и говорить не о чем. Я буду артисткой! Меня ждет сцена! — Люба была неприступна. И в этот момент Оля понимала, что не в том несчастье, что дочь ее в артистки рвется, а в том, что неуверенна она в себе до безобразия. А нехорошо девочке считать себя уродливой.

— Ну, прекрати, Любочка, ты что ж такое говоришь-то? — пыталась успокоить ее Оля. — Ну, какая ж ты уродина? Ты красавица у меня! Длинноногая, стройная, статная! Самая милая

и необыкновенная! Артисткой так артисткой! У тебя все получится! Что бы ты ни пробовала, чем бы ни занималась. И замуж ты выйдешь обязательно. И муж твой от тебя без ума будет! Верь мне, девочка, на руках тебя носить будет!

Так и заканчивались споры в семье. И, казалось бы, все было решено. Но так только казалось. Проходило время, и снова поднимался этот разговор. И все начиналось сначала. Никак Оля с Гришей не хотели мириться с Любиными амбициями, и радовать Любу это никак не могло.

Любочка росла, но росла не только она. Вместе с ней росла и семья. Оля с Гришей очень любили детей, и поэтому не стали останавливаться на маленькой Любаше. Вскоре детишек в семье было уже трое. И тут уж Любе пришлось несладко. Поскольку старшей была именно она, то и ответственность вся лежала на ней. К колодцу за водой сбегать — Любка. Дров для ненасытной печки наколоть — тоже Любка. Гвоздь в стену вбить — опять Любка. А еще за детьми малыми присматривать надо было. Но все было ей по плечу, со всем справлялась. Труда не боялась вообще! Более того — несмотря на бесконечные домашние хлопоты, Люба умудрялась находить время и для своих развлечений. Вот насмотрится на артистов в телевизоре — и вперед! На бочку запрыгнет — и давай из себя артистку изображать. Соседи то и дело кричали ей:

— Любка, ты че орешь-то на весь двор? Аль случилось чего?

— Не, не случилось пока! — отвечала маленькая Люба. — Вот вырасту — и случится! Обязательно случится!

Любины выступления были слышны по всей округе. Все соседи и знакомые сбегались посмотреть на Любин концерт. И даже платили за полученное удовольствие. Немного, конечно, но на плюшки к чаю хватало. А после очередного Любиного концерта обязательно следовало чаепитие.

А вот с учебой дело обстояло по-другому. Какая уж здесь учеба, если столько всего успеть надо — и дома порядок навести, и за малышней проследить, и к соседке с телевизором сбегать, да еще и на бочке попрыгать? Вот до пятого класса Любочка отличницей дотянула, а дальше — уж как вышло.

— Люба, прекрати заниматься глупостями! Тебе учиться надо, — пыталась вразумить дочку Оля.

— Мама, ну на кой мне сдалась эта физика, химия и прочая ерунда? Где мне это в жизни пригодится? И вообще, зачем на это все время только тратить, мучиться зачем? — отвечала Люба.

— Эх, Любка-Любка! Ну что ж ты неусидчивая-то такая? Что ж у тебя темперамент хлещет-то через край? Вечно ты все изображаешь кого-то, передразниваешь! И от влюбленностей

твоих постоянных покою никакого нет! — продолжала Оля. Люба залилась густым багрянцем и убежала. Но в глубине души знала, что мать права. Ведь влюблялась она постоянно, и знал об этом всегда весь класс. И так было и в этот день…

Леша… Алексей… Это имя будоражило сознание Любы, заставляло ее сердце биться быстрее. Ах, до чего же он был красив! Как она мечтала побыть с ним наедине, хоть немножечко, хоть чуточку, хоть самую малость. Леша был не обыкновенным школьником, Леша был взрослым. Леша уже почти окончил институт. А Любка была всего лишь в одиннадцатом классе. Она могла смотреть на него часами, мечтать о нем — сутками напролет. И мечтала, мечтала, мечтала… Пока однажды, на выпускном вечере, он ласково не заговорил с ней:

— Люб, пойдем пройдемся? Здесь душно и очень шумно, совсем невозможно общаться.

Ей показалось, что земля ушла у нее из-под ног. Как долго она этого ждала! Этой малейшей возможности просто побыть с ним рядом. Ей были абсолютно безразличны ее многочисленные поклонники, это бесконечное множество ценителей ее необыкновенной красоты. Ей нужен был только он один — Алексей. Ей казалось, что он — это любовь всей ее жизни, что они непременно будут жить долго и счастливо и умрут в один день.

Они долго шли по проселочной дороге и разговаривали. Затем они свернули к сараю около барака, в котором жила семья Полищук.

Войдя в сарай, они остались совсем вдвоем. Они молча смотрели друг другу в глаза и не могли пошевелиться. Алексей наклонился. У Любы перехватило дыхание. И вот он — волшебный первый поцелуй! Бабочки схватили Любу за живот и понесли на своих крохотных крылышках к самому небу. И таким он был сладким, и так хорошо им было вместе, что хотелось, чтобы этот поцелуй не заканчивался. И к этому они и стремились, проведя в сарайчике целую ночь. Они целовались до самого утра, целых пять часов! И этого все равно казалось бесконечно мало. Но беспощадное утро наступило, ласковое весеннее солнышко осветило землю. И Люба вспомнила о том, что она совсем засиделась, и что ей нужно срочно бежать домой, пока ее не ищут по всей деревне.

— Да не боись, Любка, ступай домой, — говорил ей Алексей. — Свидимся еще.

— Я не боюсь. Я просто не хочу! — отвечала Люба и снова бросалась в объятия к Алексею.

Домой Люба все-таки пошла. И такого трепу от матери получила, какого никогда не получала! Она на всю жизнь

запомнит, как бегала тогда от отцовского ремня вокруг кухонного стола. Но о содеянном все равно не пожалеет. И даже назовет в честь Алексея своего первого сына. Но это все потом, а сейчас — сейчас она просто была счастлива. И любима.

Тернистый путь к мечте

С первой любовью к Любе пришло и первое разочарование. Любовь Алексея была недолгой… Любовь стала куда-то исчезать, появилась какая-то непонятная натянутость. Позже любовь и вовсе пропала. Больше они не виделись и не целовались. Тот первый волшебный бесконечный поцелуй стал для них и последним. Почему — Люба не знала. Может, красавица какая приглянулась больше. Может, мала слишком для него была. А может, и не любил он ее совсем. Да только она любила. Любила горячо и долго. И никак не могла его забыть. И те его последние слова — свидимся еще — очень больно полосовали ее юное сердечко.

Но Люба продолжала жить. И продолжала мечтать о том, чтобы стать артисткой. Она понимала, что, с другой стороны, так даже лучше. Любовь к Алексею помешала бы ей стремиться к вершинам славы. Ради него она бы осталась здесь, в Омске, навсегда. И стала бы строителем. Как хотел папа. Или швеей. Как хотела мама. И жила бы она тихой спокойной жизнью. И не знала бы сцены. Не знала бы публики. И ее никто бы не знал. Поэтому, в глубине души, она была даже благодарна Алексею за то, что любви у них не получилось.

Чтобы переключиться и отвлечься от не сложившихся отношений, Люба кинулась с головой на путь к своей мечте. А мечтала она стать балериной. Вот и пошла она поступать в балетную школу.

В тот день она вся светилась. Она знала — сегодня она сделает первый шаг к своей мечте! Она вошла в балетный зал и замерла. Именно так она себе все и представляла. Нет! Реальность была даже лучше! Огромный светлый зал, зеркальные стены, станки — от счастья Люба еле держалась на ногах.

Начался конкурс. Преподаватели балетного искусства с деловитым видом расхаживали вдоль выполняющих упражнения девочек и мальчиков. Люба очень нервничала, но была, как никогда уверена, что все будет хорошо. Ведь так должно быть! Она даже не заметила, как к ней подошел один из преподавателей.

— Девочка, с твоими суставами ты будешь выше всех мужчин в балете. Тебе никогда не быть балериной, — промолвил он.

Любе показалось, что земля под ней разверзлась и поглотила ее целиком. В одночасье ее мир рухнул. Вся ее мечта, все ее представления о собственном будущем — все оказалось ничем. Пустой тратой времени. Преподаватель вынес ей приговор, и она

это понимала. Но она была сильной, и знала, что непременно справится с этой потерей.

Она вспомнила, что, когда она была ребенком, родители все время пытались бороться с ее непреклонным желанием стать артисткой. Они даже не разрешили ей петь в кружке, не разрешили заниматься танцами. Все это теперь она изо всех сил старалась возместить. И даже спела на одном из конкурсов песню «Арифметика».

— О, гляди, вон Арифметика пошла, — еще долго после этого она слышала вслед.

Но, так как Люба по-прежнему не считала себя красивой, она понимала, что с этим непременно надо что-то делать. А то как же она станет артисткой? В артистки уродин не берут! Но что она могла сделать? Ведь не было тогда никакой возможности заниматься решением ее проблем. Поэтому она старалась решать их сама.

Понемногу она сама вылечила себя от косоглазия. Для этого она надевала большую шляпу с широченными полями и попеременно переводила взгляд из стороны в сторону. При помощи постоянных упражнений сама исправила свою кривоногость. И даже перемывая в тазике посуду (поскольку мойки у них в бараке не было), старалась держать фигуру в правильном положении. И однажды, благодаря всем этим нехитрым упражнениям, Любка превратилась в одну из самых красивых девочек в округе. Эх, где был сейчас тот самый Алексей? Видел бы он ее теперь! Такую девушку проворонил!

Окончив школу, Люба решила напомнить родителям о том, что ее намерения стать артисткой более чем серьезны. Подкрепить это она собиралась уже купленным до Москвы билетом. Вечером семья села за стол, и Люба сообщила родным свою новость. Но результат разговора не оправдал Любиных надежд. Отпускать ее никто не собирался. В доме разразился скандал. Слезы, которые лились рекой из Любиных глаз, не помогали. Отец был непреклонен. Родители даже поругались из-за этого. Но очень неожиданно за Любу вступилась мать:

— Гриша, ну, в самом деле! Что же билет зря пропадать будет? Пусть съездит, развеется девочка, — сказала она отцу Любы.

И лед тронулся. Отец согласился. Времени до поезда оставалось очень мало, а надо же было еще придумать, в чем ехать покорять Москву! А ехать было откровенно не в чем. Все, что было у Любы в гардеробе, — это школьная форма. Именно ее она и переделала в маленькое платьице. Оделась, причесалась — и вперед, навстречу приключениям!

В Москву Люба приехала совсем одна. Никаких родственников, никаких друзей у нее здесь не было. И пока Люба бегала в поисках, куда бы ей приткнуться да где приютиться, время шло, и она повсюду опоздала. Люба не сдавалась. Она уверенно обивала пороги всех московских вузов. Но везде ей говорили одно и то же:

— Поезд ушел, приходите через год.

Любиному разочарованию не было границ. Но как известно, Москва слезам не верит, и она это знала. Достойно приняв поражение, Люба уже собиралась с позором покинуть столицу. «Как я вернусь домой ни с чем? Что я скажу родителям? Ведь мама будет твердить — «я же тебе говорила». А отец и вовсе будет вне себя» — не умолкали мысли в ее голове. Именно в этот момент произошел случай, который она позже назовет судьбоносным.

Во дворе Щукинского училища стояла заплаканная Люба в маленьком платьице. К ней подошел незнакомый мужчина и восхищенно произнес:

— С такими глазами, как Ваши, девушка, вас примут куда угодно, не сомневайтесь!

— А вот и не угадали — не приняли! — навзрыд произнесла разочарованная Люба.

Незнакомец удивился и вызвался помочь девушке. Узнав, что она приехала из Омска, он радостно сообщил, что во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства на ВДНХ идет набор в эстрадную программу:

— И вы не поверите — именно для Омской филармонии! — радостно закончил он свою речь.

И Люба, вооружившись новой надеждой, со всех ног помчалась туда. Что она только не вытворяла, чтобы ее взяли! Танцевала шейк, пела под Зыкину, под Робертино Лоретти. От смеха все просто лежали. И, несмотря на то, что коллектив формировался только из профессиональных артистов, Любу взяли. Ее невероятный талант отметили сразу.

Поскольку Люба имела за своими плечами богатый опыт школьно-хорового пения, она поступила на вокальное отделение мастерских. Мечты ее были об одном — стать эстрадной певицей. Но этому не суждено было произойти в связи со вмешавшимися в ее судьбу совершенно непредвиденными обстоятельствами — врачи, которые обследовали Любу, вынесли жестокое заключение:

— Ваш голос еще не закончил мутировать, и поэтому петь вам категорически противопоказано.

Люба была в отчаянии. Сначала о землю разбилась ее мечта стать балериной, а теперь — это… Ведь ей так нравилось петь.

Она так любила сцену! Жизни своей без нее не представляла. Испытательный срок неумолимо приближался к концу. Люба слонялась коридорами, то и дело вытирая слезы. Она почти ничего не видела перед собой. И поэтому совершенно не заметила, как возле нее нарисовалась статная фигура молодого парня — Рудольфа.

— Ты че ревешь, Любка? — сердито промолвил он. — Ну не будешь петь — так ничего страшного! Я вот слышал, ты анекдоты рассказываешь и копируешь неплохо. Не хочешь поступить в артистки разговорного жанра?

— А шо это — разговорного жанра? Стихи шо ли читать? Так я не умею… — неумело ответила Люба и опять залилась слезами.

— Ну, зачем же обязательно стихи, можно и прозу! Все будет хорошо, Любка, ты не кисни только! — закончил Рудольф.

Вот так и началась Любина артистическая карьера. На эстраде она читала сатиры Жванецкого, чем привела самого мастера в шок:

— Люба, я же пишу для мужчин! Не прячь свою красоту! — возмущенно кричал ей он. И он был прав — ее красота так и рвалась на подиум, на экран, в кино, сериал, на небеса славы.

И вскоре подвернулся замечательный случай: большой коллектив из филармонии — человек тридцать — отправили на учебу в Москву, во Всероссийские творческие мастерские эстрадного искусства на ВДНХ. Специально для них московские педагоги поставили театрализованную программу. Любу готовили как артистку разговорного жанра. И вот когда они приехали обратно в Омск, начали выступать, гастролировать, собирать залы, стало ясно: Люба-то — звезда! Публика принимала ее бесподобно.

Люба снова обрела мечту. На этот раз уже третью. Теперь она с удовольствием читала со сцены забавные монологи. И пускай она не танцевала балет, пускай не пела, главное — она была на сцене. Она была артисткой! И не переставала верить в себя и в собственные силы.

Мастерские Люба успешно окончила, затем в течение трех лет вела театрализованную программу «Конек-горбунок» («Старая сказка на новый лад»). Но именно здесь, в мастерских, в жизни Любы начался совершенно новый этап. Здесь красавица Люба по-настоящему влюбляется в молодого красивого парня — Валерку. Влюбляется первой взрослой любовью. Это уже не детская влюбленность с пятичасовыми поцелуями в сарае за бараком. Это не детские страдания оттого, что любовь не взаимна. Это — серьезное и осмысленное чувство. Чувство, о котором не забывают. Чувство, с которым не прощаются. Чувство, которое

проносят через всю жизнь. Так, обычный сокурсник-актер Валерка стал ее самым близким человеком, с которым она захотела завести семью и прожить всю свою оставшуюся жизнь. Но жизнь имела на Любу другие планы, и лишь готовила ей очередное испытание. А ведь она и без того уже их пережила совсем немало…

Сердце не обманет

Теплый весенний день 1967 года. Люба стояла в легком хлопковом платьице около уже родных и полюбившихся ей мастерских. Ее красивые густые волосы ласково развевал теплый ветер. Она стояла и думала о своей судьбе. О том, почему все вышло именно так. О том, почему и зачем она оказалась здесь. Она вспоминала, какой тернистый путь ей пришлось преодолеть ради этого места, скольким неудачам и разочарованиям ей пришлось противостоять. Ее судьба напоминала ей хаотичное движение частицы, о котором часто рассказывали в школе на так сильно нелюбимых ею уроках физики. Напоминала до сегодняшнего дня. Сегодня же все было по-другому. Сегодня все это обрело смысл. Ведь не могло быть иначе. Так должно было случиться. Подумать только! А если бы она поступила в Щукинское? Или в такую любимую ее сердцу балетную школу? Кем бы она была сейчас? Была ли бы она счастлива? Нет. Во всяком случае, ей так не казалось. Ведь тогда ее самой большой любви не суждено было бы родиться.

Родные мастерские. Эти стены навсегда запомнят, сколько радостных дней они принесли Любе. В этих коридорах еще долго будут слышны отголоски беззаботных смешков счастливой Любки и влюбленного в нее Валерки.

Сейчас она точно знала, что здесь она не случайно. Хотя это сильное и всеобъемлющее чувство возникло и не сразу. Люба с Валерой знали друг друга давно, почти с самого начала учебы. Но смотрели друг на друга со стороны. Иногда пересекались в общих компаниях, но не общались друг с другом. Люба восхищалась этим молодым красавцем. В нем было столько веселья и юношеского озорства! Казалось, он всегда смеялся. И все вокруг него тоже смеялись. Такого парня не заметить было невозможно. Он был душой любой компании. А его взгляд… Этот игривый проникновенный светящийся взгляд не давал Любе покоя. Любино сознание долго тревожил вопрос: он на всех так смотрит или только на нее? Но, несмотря на то, что ответа на этот вопрос у нее не было, эти глаза ее покорили.

Валера был подающим большие надежды начинающим актером. Но и Любка была не промах. Настоящая русская красавица. Поклонники пачками падали у ее ног! Но для нее все это не имело никакого значения. Она четко знала, к чему она стремится — стать артисткой! И не отвлекалась от своей цели. Поэтому падать в любовь к Валерке с головой она совсем не спешила. Все в стороне держалась. Но от судьбы не уйдешь.

Однажды вечером Люба отдыхала в веселой компании друзей. Артисты сами по себе народ веселый, с ними не соскучишься. То анекдоты рассказывают, то пародируют, то песни поют. Шум стоял такой, что разобрать чью-либо речь практически не представлялось возможным. Как вдруг кто-то в руки взял гитару. Заиграла мелодия. Затем бархатистый мужской голос начал исполнять песню. Шум потихоньку смолк, и всеобщее внимание привлек паренек с гитарой. Заинтересовалась и Люба. Она повернулась в сторону голоса, и над чьими-то головами отчетливо увидела — Валерка. И снова эти сводящие с ума глаза. И эти глаза сегодня смотрели именно на нее, она была уверена! Люба растворилась в толпе и приблизилась к Валере.

Одна песня, затем другая. То веселая, то грустная. Валера был талантлив во всем. Потихоньку глум снова начинал нарастать. Не будем забывать, что здесь все были артистами. А артисты не могут долго молчать и бездействовать. Постепенно Валера перестал быть центром всеобщего внимания, и его гитара смолкла. А Люба по-прежнему стояла рядом. Внезапно, несмотря на всеобщий гам, в воздухе как будто возникла какая-то неловкая тишина, какое-то совершенно неуместное молчание. И кто-то должен был это молчание нарушить.

— А я тебя сегодня видел, — заговорил Валера. — Ты читала монолог. И читала, надо сказать, отлично. Сразу видно — артистка!

Люба не отличалась чрезмерной скромностью, но здесь как будто немного замешкалась. Так неожиданно, и так приятно. Она поблагодарила Валеру за комплимент, но и сама в долгу не осталась:

— Ты тоже ничего. Поешь хорошо! — улыбаясь, сказала она ему.

И как-то совершенно ненавязчиво между ними завязался легкий и веселый разговор. Они понимала друг друга с полуслова! И говорить могли о чем угодно — так легко и комфортно им было вместе. Тогда они без умолку проболтали всю ночь. И расстались в прекрасном настроении. Так между ними завязалась хорошая дружба. Хотя, наверняка, уже тогда каждый из них понимал, что только дружбой здесь дело не кончится.

И так и случилось. Оба молоды, оба красивы, оба талантливы. Теперь они все время старались быть вместе, ведь им еще столько всего надо было обсудить! Люба и сама не понимала, когда же все случилось. В какой момент она в него влюбилась? Как это произошло? Почему? Она понимала одно — больше без Валерки она не мыслит своей жизни. Ей казалось, что он, наоборот, всегда

в ней был. Она не могла себе представить, как жила раньше, без него. Без их бесконечных разговоров. И без этого волшебного чувства…

Учеба стремительно подходила к концу. И это одновременно радовало и настораживало молодую Любу. С одной стороны, она понимала, что именно этого момента она ждала всю свою жизнь. Теперь перед ней открывалось большое будущее. Она стояла на пороге больших перемен. Кто знает, куда занесет ее судьба? Ведь у нее было столько амбиций! Она хотела попробовать себя во всем. Она прямо чувствовала в себе неиссякаемую энергию, которую срочно нужно было направить в правильное русло.

Но с другой стороны… Люба совсем не знала, чем ей заниматься дальше. Здесь, в мастерских, все было так просто и понятно. Она изо дня в день исполняла какие-то роли, читала монологи, пела, отдыхала с друзьями, общалась с известными людьми. А что дальше? Где ей искать работу? И кем? Все эти вопросы оставались без ответа. Но лишь одно она теперь знала точно — она больше не одна. У нее есть Валера. Теперь, как бы ни повернулась ее судьба, она будет с ним. Ведь совсем недавно, теплым летним вечером, он сделал ей предложение руки и сердца…

Несмотря на то, что Валера был начинающим актером и его таланты так и рвались на свободу, его предложение о замужестве было весьма банальным. Без красноречивых признаний и испанских серенад под балконом. Но Любу это не смущало. Наоборот, всей этой игры было вокруг так много, что в жизни ей хотелось просто жизни. Простое, обычное, ничем не выделяющиеся признание Валеры тронуло ее до глубины души. Все это было так естественно, так правильно. Она ни минуты не сомневалась и сразу же ответила согласием. Ведь ответ на Балерин вопрос «Выйдешь за меня?» она знала гораздо раньше того, как он прозвучал.

Люба стояла на ветру и смотрела вдаль. Валера был идеальным мужчиной. Люба никогда не считала, что мужчина должен быть красавцем. Красивой должна быть женщина. А тут — такое счастье! Ее будущий муж — высокий темноволосый красавец. А как здорово они смотрелись вместе! Казалось, им завидовали все вокруг.

— Любка, вы такая красивая пара! — то и дело повторяли ей подруги. — Ох, и повезло ж тебе, Любка!

— Да мне то что! Это ему повезло! — весело смеясь, отвечала им Люба. Хотя сама прекрасно знала, что повезло им обоим. Ведь они в этом огромном мире сумели найти друг друга, и были счастливы вместе.

Ветер продолжал трепать ее волосы и подол юбки. А Люба продолжала думать. Все было прекрасно в ее жизни: рядом был любимый мужчина, а впереди — целая жизнь, полная побед и приключений! Но почему-то она никак не могла избавиться от какого-то непонятного ей тревожного ощущения. Она не могла понять, что именно ее так тревожит, и это настораживало молодую девушку еще больше. Это ничем не объяснимое чувство сидело в самой-самой глубине ее души и ныло изнутри. Пытаясь отогнать плохие мысли, Люба ухватилась взглядом за пролетающую мимо пару белоснежных голубей. Они летели, кружась и переплетаясь между собой. «Вот это любовь! Настоящая и вечная!» — подумала Люба. И так ей хотелось верить, что их с Валеркой любовь будет такой же, настоящей и вечной, что она забыла о своем тревожном чувстве. Только гораздо позже она поймет, что это интуиция пыталась до нее достучаться и предупредить о неминуемой беде. Гораздо позже она начнет понимать и прислушиваться к своему внутреннему голосу. И интуиция ее ни разу не подведет. Но это будет позже. Гораздо позже. А сейчас Люба была счастлива и беззаботна.

Сзади тихо подошел высокий и красивый молодой человек. Ветер тут же всколыхнул его темные вьющиеся волосы. Это был Валера. Он прощался со своими преподавателями и благодарил их за полученный опыт, а Люба ждала его на улице. Валера слегка приобнял Любу и шепнул ей:

— Пойдем, любовь моя. Все закончилось. Любе показалось, что она различила некую грусть в голосе Валеры.

— Валер, а куда дальше? — поинтересовалась она.

— Как куда? Домой, в Омск! Звездами там будем первого разряда! — как всегда весело ответил Валера.

— Домой так домой, — послушно согласилась Люба. Хотя душа ее в этот момент вся сжалась и перевернулась. Как домой? Зачем домой? Она ведь так мечтала оттуда уехать. Она ведь столько пережила ради этого! Зачем тогда вообще нужно было ехать в Москву, чтоб потом возвращаться назад? Ради того, чтоб встретить в Москве Валерку? Возможно. Но этого ей было мало. Не так она видела свою жизнь. Совсем не так. Она хотела в телевизор. Она хотела на большую сцену. Ну какой в Омске телевизор? Какая в Омске большая сцена? Она прекрасно понимала, что без сцены она не сможет быть счастливой.

Люба посмотрела на Валеру. Казалось, его ничего не беспокоило. Он точно знал, что будет делать дальше, и никакие сомнения не тревожили его мысли. Люба впервые задумалась о том, какие же они, несмотря на всю их схожесть, все-таки разные. Она постаралась перенять его уверенность и больше не терзать

себя сомнениями.

Замужество — дело серьезное

Свадьба удалась на славу. Красавица Люба рассекала по Москве в красивом белоснежном платье. И пускай не было у нее шикарных украшений, это было неважно. Лучше любых других украшений ее красила счастливая улыбка. Рядом шел Валера. Весь его вид говорил о том, что он давно ждал этого дня. Вокруг молодой пары то и дело сновали в разные стороны веселые ребята — друзья и сокурсники из мастерских. Вся это шумящая и резвящаяся толпа со стороны могла бы напомнить цыганский табор, если бы не сдержанные наряды и славянские лица.

Толпа передвигалась вдоль Ленинского проспекта, то и дело останавливаясь, чтобы выпить за молодых и разбить на счастье очередную пару бокалов. К вечеру Люба совсем захмелела от счастья, а Валера — от выпитого шампанского. Только одно ее не радовало — рядом не было мамы.

— Мама, я замуж выхожу! Слышишь? Замуж! — кричала ей в трубку Люба всего несколько дней назад.

— Ой, радость-то какая! Отец, Любка замуж выходит! — кричала во всю глотку Оля. — А че странного-то? Я ж тебе говорила, что выйдешь! А ты не верила! Говорила: «Я гадкая, куда мне там замуж!». Помнишь? Вот! А мать слушать надо было, мать плохого не скажет!

— Дык я слушала, мам! — отвечала Люба.

— Слушала она. Ну, расскажи хоть, какой он — муж-то твой? — допытывалась Оля.

— Мама, он замечательный! Я таких мужчин в жизни не встречала! Он очень талантливый, перспективный, а красивый какой — с ума сойти можно! — щебетала Люба.

— Любка, ну ты с ума-то не сходи, головой думай. Замужество — дело серьезное! — насторожилась Оля.

— Да не переживай ты, мам, хороший он мужик, хороший. За плохого не пошла бы, — успокаивала маму Люба.

— Ну, тогда совет вам да любовь, дети! — благословила Любу с Валерой Оля.

И хотя Люба и заручилась благословением матери, на душе ей все равно было тоскливо.

Утром следующего дня для Любы началась совершенно новая жизнь. Жизнь, которая должна была стать счастливой. Вскоре после бракосочетания молодая семья вернулась в свой родной город — Омск. Родители Любы сразу приняли Валеру и одобрили выбор дочери.

В Омске Люба с Валерой стали понемногу налаживать свой

быт. Сразу по приезду молодая пара была принята в местную филармонию. На сцене этой филармонии Люба с Валерой разыгрывали разнообразные интермедии и сатирические сценки, танцевали и пели. Здесь они выступали дуэтом с названием «На эстраде омичи». И публика их воспринимала на «ура!». Они чудесно дополняли друг друга, как в жизни, так и на сцене.

Но Люба знала, что эта маленькая сцена — это не ее мечта. Она, Люба, была создана для другого, для большего. И знала, что она не позволит себе похоронить свою мечту. Знала, но молчала. Молчала, потому что видела — Валера счастлив. Ему больше ничего не надо было. У него все было, и он всем был доволен. Все, кроме сына. А малыша он очень хотел. О чем он не раз говорил Любе.

Любу эти разговоры расстраивали. Она понимала — маленький ребенок сейчас ей совсем ни к чему. Ей нужно было развиваться, расти, самоутверждаться, покорять все новые и новые вершины. Валера же уже все покорил. И этого Любе было мало. Она думала, что они — единомышленники. Что они вместе будут покорять Москву, всю страну, целый мир! Но все оказалось совсем по-другому.

Время шло, и разговоры повторялись все чаще и чаще. И чем дальше, тем чаще Валера подкреплял их выпитой чаркой водки, и не одной. Люба понимала, что надо что-то делать. Возможно, причиной пьянства мужа было ее нежелание рожать детей? В любом случае, Люба не могла лишить Валеру счастья стать отцом и спустя три года жизни в браке забеременела.

Валера был вне себя от счастья. Он с нетерпением ждал наступления того долгожданного дня, когда он станет папой. Любу тешило то, какую радость принесла ее мужу эта новость, но огорчало другое — пить он, почему-то, так и не перестал…

Любина мать видела, что со временем глаза дочери все больше и больше грустнеют. Не понимая, что происходит, она часто спрашивала Любу:

— Доченька, что там у вас с Валеркой происходит такое? Не бьет он тебя часом?

— Мама, ну что ты, в самом деле! — отвечала Люба. — Так, выпивает иногда только… Но ты не переживай, все хорошо у нас. А вот Алешенька родится — совсем хорошо все будет.

И хотя иногда — это было вовсе не иногда, а немного — не немного, Люба не хотела расстраивать пожилую женщину и говорить ей правду. К чему это? Легче ей все равно не станет, а мать ночами спать спокойно не будет. Люба знала, что справится сама. Она вообще со всем в жизни справится сама.

— Алешенька? А откуда ты знаешь, кто у тебя родится? А

если девонька? — спрашивала, успокоившись, Оля.

— Знаю, мама. Чувствую, — отвечала Люба. И она действительно чувствовала, что у нее родится мальчик. Может быть, потому, что малыш был очень бойким и то и дело колотил ее изнутри. Может, потому что Валера очень хотел сына. А может, это в очередной раз с ней говорила ее интуиция. Так или иначе, Люба ждала сына. И имя ему выбрала, не задумываясь — Алексей. В честь своей самой первой детской любви и своего самого первого взрослого поцелуя.

Маленький Алеша появился на свет в 1972 году. Радость снова пришла в молодую семью. Но ненадолго. Валера продолжал пить и по-прежнему не хотел стремиться к лучшему. Жизнь складывалась очень сложно. Но в один прекрасный день, казалось, сама судьба решила вмешаться в нелегкую жизнь молодого семейства и подарить ему шанс обрести лучшую жизнь.

Руководитель Омской филармонии, в которой работали Люба с Валерой, Юрий Юровский, получил назначение в Москву и стал директором Росконцерта. Он пригласил в столицу нескольких актеров, которых считал лучшими. Среди них — Полищук и Макаров. Молодая семья взяла трехлетнего Лешку в охапку и отправилась покорять Москву. Снова. Люба была невероятно рада такой возможности. Валеру же эти перемены не радовали, и в Москве он запил пуще прежнего.

Какое-то время семейная пара снова работала в дуэте. На этот раз в шикарном «Мюзик-холле». Со сменой места работы, они сменили и название своего дуэта. Теперь они назывались торжественно и официально — «Полищук — Макаров». Провинциальные «На эстраде омичи» канули в лету.

Несмотря на то, что актерский дуэт был блистательным, и публика всегда встречала его с восторгом и аплодисментами, вскоре ему суждено было распасться. Валере не нравилось в Москве, работа не ладилась, счастье ускользало из рук, просачиваясь сквозь пальцы. Оставаться в Москве он больше не мог и принял решение возвращаться в Омск. Но здесь его ждал сюрприз. Люба была совсем другого мнения.

Семь лет назад Люба пошла за Валерой на край света. Ради него она вернулась в Омск, поставив крест на городе своей мечты — Москве. И ничего ее тогда не остановило, не прислушалась она тогда к своему голосу внутреннему, к своему ощущению тревожному. Но Москва подарила ей второй шанс, и этот шанс она упустить не могла. Не могла и не хотела.

Валера не хотел бросать семью, он хотел бросить Москву. Но Люба не дала ему такой возможности. Ранним утренним поездом Валера вернулся в Омск. А Люба осталась в Москве. Вместе с

маленьким Лешей. Осталась покорять столицу с маленьким ребенком на руках.

Жизнь частенько била Любу по голове. Ей приходилось на своих плечах тащить очень многое. Рассчитывать ей было не на кого — воспитывала сына одна. Приехав в Москву из своего родного Омска, Люба устроилась там в Московский мюзик-холл, где нужно было доказывать всем и вся, что Полищук — хоть и провинциальная артистка, но не хуже столичных. На гастроли (а их было одиннадцать месяцев из двенадцати) приходилось ездить с маленьким Лешей. В гостиничном номере — бесконечные кашки-малашки, тертые овощи, пеленки… А потом нужно было легко и красиво выпорхнуть на сцену. Ну откуда здесь могла взяться беззаботность, когда Люба своему ребенку была и отец, и мать? У нее не было собственной квартиры, и жили они с сыном в общежитии. Там им приходилось спать на одном матрасе на полу. Несколько лет Полищук моталась по гастролям и собирала деньги, чтобы купить небольшую кооперативную квартирку на окраине столицы. Родителям по телефону всегда рассказывала басни, чтоб не волновались:

— Мама, мы с Лешей живем в замечательной большой квартире! В самом центре Москвы! Все у нас замечательно! У меня много концертов и гастролей, денег на все хватает.

Оля понимала, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, но очень хотела верить в то, что у дочери все хорошо. И верила.

Прожив в браке около семи лет, Люба и Валера расстались. Маленькому Алеше тогда было всего четыре года. Не выдержала их любовь жизненных испытаний. Счастье так и не наступило. Только теперь Люба поняла, что вышла замуж слишком рано. Только теперь ей стало ясно, что она тогда совсем ничего не понимала в жизни, не знала Валеру, саму себя не знала. Она просто любила. А любила она всегда сильно и страстно. Любила и очень хотела верить в то, что все получится, что все так, как должно быть. В день расставания с Валерой, она сказала ему:

— Ты пойми, Валер, я всегда стремилась в жизни достичь чего-то большего. А ты всегда считал, что ты всего уже добился. Вот почему наши пути и разошлись. Ты не держи на меня зла. И про сына не забывай, ладно?

Валера молча взглянул на нее грустными глазами, развернулся и, так и не проронив ни слова, вышел в дверь. Не мог он простить Любе такого предательства. Не мог он смириться с тем, что между ним и Москвой она выбрала Москву. Москва! Это ведь даже не мужчина! Как ненавидел он в ту минуту эту Москву. И ненавидел потом всю свою жизнь. Валера не мог простить Любе

того, что она его разлюбила. Потому что он ее по-прежнему любил. И так и не смог разлюбить. Он писал:

Когда звучит в нас сумасшедше
Любовных песен хоровод,
Мы забываемся прошедшим,
А случай нас наотмашь бьет —
РАЗВОД!..

После расставания с Любой Валера вновь женился, завел семью, новая жена родила ему девочку. Но Любу он любил всегда, и эта любовь всю жизнь причиняла ему острую боль в сердце. Во многих своих произведениях он размышлял о том, почему же они не смогли остаться вместе:

Зачем от ревности влачить
тобой накинутые цепи
и, задыхаясь, смертно пить
вино твоих великолепий,
и грешным слыть не по годам,
пленясь изгибами порока,
предпочитая всем глазам —
твои, с бесовской поволокой?
Зачем околистым путем
себе торить дорогу в пропасть,
и жертвой быть, и палачом,
запрятав нежность во жестокость,
и поминутно ликовать,
свое безумство сознавая,
и, ведая, не убегать,
застыв у гибельного края?
Зачем же случай напролом
связал неравною судьбою
меня, не ставшего рабом,
с тобой, не ставшею рабою?…

Ранним утром Люба осталась одна. Она сидела и молча смотрела на дверь, в которую только что вышел Валера. Сидела и понимала, что вместе с ним от нее ушла и ее любовь — то волшебное чувство, которому ей так сильно хотелось верить.

Первая известность

Люба знала, что сейчас в ее жизни начинается другой этап. Совершенно новый жизненный этап. И пока этот этап не обещал ей ничего хорошего. Люба хорошо понимала, что семь лет назад, когда она отказалась от Москвы ради желания построить семейное счастье, добиться успеха в актерской карьере ей было бы гораздо легче. И сейчас она была бы уже не просто Любкой из Омска, а популярной артисткой с известным именем — Любовью Григорьевной Полищук. Но время было потеряно. И сегодня ей все надо было начинать с самого начала. А ведь она была не одна. С ней был маленький Алеша, о котором ей нужно было заботиться. И хотя Алеша был замечательным спокойным ребенком, его все равно нужно было кормить и одевать. И оставить без присмотра четырехлетнего мальчика она не могла. А еще нужно было где-то жить и где-то спать.

Казалось, перед ней стояла просто неразрешимая задача. Но ее стремление к успеху было настолько сильным, что она не боялась этих препятствий. Она была твердо убеждена в том, что все самое хорошее в жизни достается нелегко. И она была готова бороться за свое счастье. Бороться, чтобы одержать победу в этой схватке с собственной судьбой.

Осознав свою весьма затруднительную ситуацию, Люба начала действовать. Она взяла за руку маленького Лешу и отправилась на поиски жилья. Поиски были нелегкими, но в итоге ей все-таки удалось выбить для них с Лешей маленькую комнатушку в общежитии. Вошли они в комнатку свою и ахнули — комната была совершенно ужасной. Совсем крохотная, темная, без мебели. Только матрас большой на полу лежал. На нем с Лешкой и спали ночами. А днем — на репетиции, тоже вместе.

Леша был абсолютно беспроблемным ребенком, никогда не причинял матери лишних проблем. Но однажды вечером он задал Любе совсем неуместный вопрос:

— Мам, а давай собаку купим? Ну пожалуйста…

— Леша, ну какая еще собака? — отвечала Люба. — Кто ухаживать за ней будет? Мне и за тобой-то ухаживать некогда. Тут и двоим прожить сложно, а ты говоришь — собаку.

— Я за ней буду ухаживать! Честное слово! А она за мной будет ухаживать. И тебе легче будет… Ну мам!

Посмотрела Люба на Лешку своего и задумалась — а какое детство у ее ребенка? Разве это детство? Ни дома, ни школы постоянной, постоянные эти репетиции, совершенно ему ненужные и неинтересные, гастроли… Разве такого детства он

заслуживает? Разве виноват он, что родители его не смогли поладить? Собака. Разве станет от нее кому-то хуже? Одной проблемой больше, одной меньше — какая разница, если их миллион? А малышу радость будет.

— Хорошо, Лешка, будет тебе собака! — решила Люба. — Но маленькая! Чтобы с собой можно было брать.

— Ура!!! — Лешка запрыгал от радости. Теперь он знал, что у него всегда будет друг. И он больше никогда не будет один.

Но Люба оказалась права. С появлением собаки жить ей легче не стало. Раньше она всюду таскала за собой Алешку, а теперь еще и собаку. В театре ее даже прозвали «Дамой с собачкой» — везде, где она ни появлялась, с ней непременно была маленькая собачка. Однажды собачка даже выступала с ней на сцене. Но вовсе не с акробатическими этюдами. Люба выступала на сцене. Маленький Леша сидел с собачонкой в зале. И вдруг надоело ему сидеть в зале, он просто встал со своего места и пошел к маме. За ним побежала и собачонка. Так на сцене оказалось все семейство. Зрители были шокированы. Но в результате отнеслись к ситуации с пониманием, смеялись и аплодировали. Возможно, именно этот небольшой эпизод заставит Лешу в будущем задуматься о собственной актерской карьере. Ведь это был его первый дебют на сцене.

В один обычный рабочий день 1977 года Люба, как обычно, играла в спектакле на сцене Театра миниатюр. В этот момент она даже не догадывалась о том, что из зрительного зала за ней пристально наблюдал режиссер Марк Захаров. После завершения спектакля режиссер, полностью сраженный талантом и красотой Любы, обратился к ней:

— Добрый вечер, Любовь Григорьевна.

К Любе часто подходили после спектаклей, выражали свои мнения и благодарности, поэтому она совершенно не удивилась, увидев рядом с собой мужскую фигуру.

— Добрый вечер! — ответила она.

— Я должен Вам сказать, что Вы невероятно талантливая актриса, — продолжал Марк. Вы исполнили свою роль великолепно! И, прошу, не поймите меня неправильно, Ваша внешность — это что-то совершенно необыкновенное. Вы были рождены, чтобы блистать на сцене.

Эти слова льстили молодой актрисе. Она еще не знала, кто этот красноречивый мужчина, но уже была ему очень признательна.

— Благодарю, — кокетливо улыбаясь, ответила Люба.

— Любочка, если позволите Вас так называть, дело в том, что меня зовут Марк Захаров, — уводя Любу в сторону, говорил он. —

Я режиссер. И в данный момент я занимаюсь одной очень интересной работой. Это фильм. Рабочее название «Двенадцать стульев», но, возможно, мы его изменим в будущем. И вот в этой самой работе я вижу для Вас замечательную роль. Ваша красота и темперамент просто обязаны радовать зрителей телеэкранов. Что Вы скажете на это?

Люба была на седьмом небе от счастья! Неужели этот долгожданный момент настал? Неужели она, наконец, вырвется на экран? Она не верила своему счастью. Но, будучи женщиной интеллигентной и знающей себе цену, Люба не подала даже виду, что это предложение ее шокировало. Позже для Марка Захарова станет настоящим сюрпризом новость о том, что он был первым режиссером, обратившимся к Любе с предложением сыграть роль в кино. В этот момент он даже не подозревал о том, что именно ему суждено открыть Любин талант миру.

— Я с удовольствием приму Ваше предложение, — не переставая улыбаться, ответила Люба.

— Замечательно, Любочка. Тогда я Вам вот что скажу. Вы приходите на пробы, посмотрим, что из этого получится. Но я должен Вас предупредить. Роль, которую я хочу Вам предложить, небольшая. Можно сказать, эпизодическая. Но Вам придется нелегко. Дело в том, что Вашим партнером будет известный молодой актер — Андрей Миронов. Я думаю, Вы его знаете. Так вот у него, я Вам должен сказать, совершенно непростой нрав. Работать с ним могут не все, так что будьте готовы к тому, что Вам будет нелегко.

О том, что ей будет нелегко, Люба не думала. Ей и так было нелегко. Но такой шанс! Люба — актриса кино в паре со знаменитым актером! Это было невероятно. Перед ее глазами уже проносились афиши с ее именем.

Пробы прошли успешно, и Любу утвердили на роль. Начался съемочный процесс. В своей эпизодической роли она в костюме и гриме 20-х годов танцевала «Танго страсти» с Остапом Бендером, которого играл Андрей Миронов. Со своей ролью Люба справилась превосходно, Марк Захаров был сражен ее талантливой игрой с таким привередливым партнером. На Андрея Люба тоже произвела наилучшее впечатление. Но сам процесс съемки проходил не очень удачно. Было много проблем с декорациями. Андрей Миронов, исполняя танец, случайно уронил свою партнершу на цементный пол, а работники студии забыли подложить туда маты. После падения из объятий Миронова Люба сумела оправиться и вновь вернуться к съемочному процессу. Помня о произошедшей страшной случайности, реквизиторы положили на пол гору подушек, но Миронов, снова уронивший

напарницу, почему-то промахнулся. Однако и на втором падении злоключения несчастной молодой актрисы не закончились. Согласно замыслу режиссера, во время танго энергичный партнер должен быть пробить головой своей партнерши дверное стекло. Его устанавливали чересчур прочно, так, что Люба фактически протаранивала его головой, то, наоборот, закрепляли слишком слабо, и актеры просто проваливались сквозь преграду. Инквизиторское танго было снято только с четырнадцатого дубля. Вся усыпанная синяками, потирая болящую от падений спину, Люба отошла от декораций.

— Любочка, Вы отлично справились с ролью, — подошел к ней Марк. — Я был поражен тем, что я увидел. На площадке работал уже зрелый мастер, хотя и очень молодой. Вы — очень красивая и веселая девушка. Вам удалось очень тонко схватить некую ироническую музыкальную, пластическую структуру эпизода, где Вы так блестяще сыграли в паре с Андреем Мироновым. Вы оказались замечательным партнером для Миронова, с которым не так просто играть. Но Вы выступили с Андреем абсолютно на равных: была такой же феерической и светящейся.

Люба смотрела Марку в глаза, ощущая бесконечную признательность. Он не просто дал ей шанс проявить себя на экране, он дал ей шанс на новую жизнь. И, кроме всего прочего, не скупился на комплименты.

Наконец ее шик, рост, внешность, фигура, улыбка и даже нога мужского размера были как раз тем, что надо. Наконец она могла перестать терзать ноги туфлями тридцать девятого размера. Кроме того, нужно заметить, что Москва в это время безумно страдала от дефицита красивых актрис. Ярких, талантливых, умных, прекрасных, замечательных, глубоких были десятки, а вот эффектной красивой женщины, кинозвезды в стиле Марлен Дитрих или Марики Рокк найти было невозможно. Именно Любе удалось реализовать редкий тип экранной женщины-вамп, образ роковой соблазнительницы, в которой одновременно присутствовали и черты клоунессы. Уникальное сочетание лакомств. И кино сразу облизнулось и, не задумываясь, проглотило эту роскошную приманку. После знаменитого аргентинского танго из фильма «Двенадцать стульев», где Любиным партнером был соблазнитель дамских сердец, великий комбинатор Остап Бендер в блистательном исполнении Андрея Миронова, на молодую актрису положил ревнивый глаз телеэкран. Мечта сибирской девчонки исполнилась — она оказалась там, где танцуют, поют, влюбляются, плачут. Она, наконец, была в телевизоре! А ведь она знала, что так будет.

Всегда знала, с самого детства.

Судьбоносные решения

После выхода в свет кинофильма «Двенадцать стульев», на Любу буквально посыпались предложения в кино на роли роковых красавиц. Благодаря этому фильму, она исполнит в кино более сорока ролей — в фильмах «Золотая мина» (1977), «Семья Зацепиных» (1977), «31 июня» (1978), «Дуэнья» (1978), «Вавилон XX» (1979), «Приключения принца Флоризеля» (1979), «Только в мюзик-холле» (1980), «Эзоп» (1982), «Кража» (1982) и многих других.

Люба никогда и никому не признается в том, что на самом деле, ее первое появление в кадре состоялось несколькими годами раньше. Она снялась в маленьком эпизоде в последнем фильме с великой Любовью Орловой. Но по просьбе самой Орловой, фильм «Скворец и лира» никогда не выходил на экраны. Люба не попала даже в титры.

Талант Любы не заметить было просто невозможно: невероятно красивая и роковая, неунывающая и интригующая, отчаянная и азартная. Она запоминалась сразу, какую бы роль не исполняла, сразу и навсегда. Все было ей подвластно — и мюзикл, и высокая трагедия. В Голливуде биографию кинозвезды Любови Полищук экранизировали бы сразу, так как ее судьба имеет классический для успешной картины сюжет: смешная деревенская девчонка становится популярной звездой.

За ролями в актерский отдел «Мосфильма» Люба никогда не ходила, режиссеры сразу поняли, что камера ее любит. Но долгое время молодая актриса испытывала страх на съемочной площадке и боялась, что забудет текст. Однажды на съемках фильма «Золотая мина», Люба приехала на площадку, и вдруг выяснилось, что режиссер заказывал ассистентке кареглазую блондинку, а ему привезли шатенку с серыми глазами, к тому же из мюзик-холла. А тут еще и партнер — знаменитый Олег Даль и съемка самой психологически сложной сцены во всем фильме. Олег Даль моментально понял состояние Любы, подошел к ней, взял ее за руку, снял очки и очень пристально посмотрел актрисе прямо в глаза, как будто бы переливая в нее свою собственную уверенность. Люба тогда моментально успокоилась. Затем, через год, на съемках фильма «Приключения принца Флоризеля», Олег Даль уже сам лично выбрал себе в партнерши его любимую актрису — Любовь Полищук.

Олег Даль стал любимым партнером Любы по киносъемке. Для нее это была настоящая школа партнерства. Он обладал абсолютным слухом, удивительным образом реагируя даже не на

жест — на движение ресниц, вздох. Каждая интонация в его реплике возникала не сама по себе, а из интонации партнера. А главное? Умение поддержать, ободрить, сказать какую-нибудь ерунду, дотронуться до руки, тем самым освобождая тебя от зажатости, защищая от равнодушной суеты съемочной площадки. Там порой так невыносимо трудно сосредоточиться.

— Подворуй! — очень часто говорят на съемках.

Это значит, что надо смотреть поверх головы партнера. Куда-то в стенку, и тогда перед камерой глаз сверкнет. Это ей — стенке — ты обязан объясняться в любви, ее обвинять в предательстве, у нее искать сочувствия. Глаз сверкнет, но исчезнет нечто нематериальное, связывающее партнеров. Исчезнет воздух. Люба не любила — стенке.

Но не только кино доставляло удовольствие молодой актрисе. Люба очень любила и театр. Возможно, именно поэтому судьба снова решила вмешаться в ее жизнь и устроила ей случайную роковую встречу с основателем Театра миниатюр — Михаилом Левитиным.

Люба сидела за столиком ресторана в старом Доме актера на Тверской. Весело проводя время в компании друзей, Люба внезапно как будто почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она внимательно окинула взором присутствующих в ресторане людей, но не пересеклась взглядом ни с одним человеком. И тут ее внимание привлек лысый, с блестящими стеклами очков, сидящий за столиком напротив мужчина. Ей показалось, что именно он сверлил ее пронизывающим взглядом. Чтобы это проверить, она решила проделать с ним свой излюбленный фокус. Сначала Люба повернула голову в сторону. Мужчина, подумав, что Люба увидела там что-то интересное, повернулся туда же. Тут-то Люба и поняла, что она была права. Ей представилась возможность разглядеть этого пялящегося на нее человека. Не приметив в нем ничего необычного, она решила отомстить ему за его поведение у гардероба. Там, надевая свой плащ, она как будто бы случайно зацепила мужчину его краем. И зацепила так, что у мужчины на том месте навсегда образовался рубец.

Но в тот вечер ничего не произошло. Они не познакомились. А познакомились они позже.

Люба продолжала давать выступления в составе трупп «Мюзик-холла». В тот день она должна была выступать в Театре Советской Армии. Люба, вместе с другими длинноногими девочками в колготках, вошла в здание Театра. Люба шла впереди, в белых рейтузах и гусарском кивере. На сцене она дирижировала всей компанией. Пространство ей подчинялось

абсолютно, эта гигантская сцена, на которую когда-то выезжали танки. Она редко кому из режиссеров подчинялась, а ей — подчинялась.

Люба, как всегда, с удовольствием играла на сцене свою роль. Но она и подумать не могла, что именно сейчас за ней с верхнего яруса наблюдает тот самый лысый, с блестящими стеклами очков, мужчина. И о том, что в этот момент этого мужчину она покорила, Люба тоже не знала. А Левитин был совершенно покорен ею. И это несмотря на то, что с той высоты, на которой он сидел, все девочки казались ему бактериями. Крошечными бактериями. Но Люба была самой большой бактерией.

После спектакля Михаил подошел к Любе и предложил ей перейти в труппу Московского театра миниатюр. Люба согласилась, не раздумывая. Театр был ее жизнью, ее душой. Позже Театр миниатюр будет известен как театр «Эрмитаж».

Начав работу в театре, Люба очень испугалась собственного профессионализма. Ее испугало отсутствие школы, и, по совету Михаила, она, уже будучи артисткой столичного театра, поступила на актерский факультет ГИТИСа. Предстояли репетиции спектакля по ранним рассказам Чехова, и Люба ужасно волновалась. Но ей был родственным волшебный мир игры, творимый Левитиным, бросавшим на холст сцены эксцентрику и психологическую драму, оперетту и публицистику. Любе нравилось менять лица. В «Чехонте в Эрмитаже» она выходила на сцену то модисткой, то актрисой, то кокоткой. А сквозь эти пестрые женские характеры и маски она нанизывала общую тему: попытку прорваться из круга одиночества, сквозь громаду неурядиц и невезения к простому человеческому счастью.

Работа в театре с Михаилом Левитиным не была для Любы легкой. Она пришла в его театр засыхающим растением. Побеги были черные, сухие. Левитин разрубал на репетициях на пятьсот кусочков, и все они кровоточили, шевелились, срастались. Он орал:

— Как ты вульгарна! А здесь ты — безыдейна! Силы бы тебе поменьше! Ну откуда в тебе столько ярости?

Он был как мультик — тридцать два движения в секунду. Люба плакала. А к слезам Михаил был брезглив. И постепенно Люба стала оживать. Никто не мог понять идею театра Левитина. Люба как собака — нюхом понимала.

В Московском театре миниатюр по-настоящему раскрылся драматический актерский талант Любы. Здесь она играла сразу несколько ролей в спектакле Левитина «Хармс! Чармс! Шардам!», который стал настоящим событием театральной Москвы. На сцене театра миниатюр Люба выступала семь лет, играя роли в

самых популярных спектаклях: «Чехонте в Эрмитаже», «Здравствуйте, Ги де Мопассан», «Хроника широко объявленной смерти», «Принцип Питера».

Люба часто вспоминала о своей работе на эстраде, еще задолго до Театра миниатюр. Это были монологи разнохарактерных женщин. Любе уже тогда хотелось играть разные роли — лирические, трагические, комические. Это было возможно только в театре. И так случилось, что когда Любе вручили премию Всероссийского конкурса артистов эстрады, режиссер Михаил Левитин пригласил ее на главную роль в Театре миниатюр. «Чехонте в «Эрмитаже» стал первым Любиным спектаклем, безумно сложным, которого она боялась потом на протяжении всей своей жизни.

Люба была счастлива. Ее карьера интенсивно стремилась вверх. Она работала в театре, который обожала. Бесконечные предложения ролей в кино не давали ей покоя. Учеба в Гиттисе, хоть и заочная, тоже отнимала немало времени. Люба разрывалась. А дома ее по-прежнему ждал маленький Леша. И хотя ей удалось скопить немного денег и купить для них небольшую квартирку, она не могла смириться с постоянным одиночеством сына. Люба понимала, что она не может везде и всюду таскать за собой ребенка и собаку. Это было невозможно физически. И тяжело это было как для Любы, так и для мальчика. Но отказаться от успешной карьеры ради сына она тоже не могла. Потому что ей нужно было зарабатывать деньги, чтобы обеспечить себе и сыну хорошую жизнь.

Мужчины рядом с Любой не было. Точнее, мужчины были. Было много мужчин. Но не было среди них того, кому она могла отдать свое сердце, доверить своего сына и себя. Да и не многим из них это было нужно. Любин «довесок» — маленький Леша — отпугивал от Любы большинство мужчин, с которыми она пыталась построить отношения. Иными словами, поддержать Любу и помочь ей финансово было некому.

И Люба стояла на пороге принятия самого тяжелого решения в ее жизни. Решения, которое она никогда не сможет себе простить. Решения, которое никогда не сможет простить ей ее сын. Решение отдать Лешу в интернат. Другого выхода Люба не видела.

— Лешенька, не плачь, это все временно. Вот как только все устроится, как только наладится, я тебя сразу же заберу! И будем жить с тобой вместе очень счастливо. И собачку снова заведем… — успокаивала плачущего сына Люба.

Но Леша ревел навзрыд. Он не хотел в интернат. Даже на время. И собаку свою, своего друга, он тоже отдавать никому не

хотел. Но выбора у него не было. Проворочавшись всю ночь, наутро Люба взяла Лешу и отвезла его в столичный интернат. Позже она будет стараться часто навещать сына. Но плотный гастрольный график будет этому очень мешать. А забрать сына насовсем у нее получится очень и очень нескоро.

Взлеты и падения

Коктебель. Студенческая группа решила организовать пикник на вершине горы Карадаг. Люба карабкается наверх по узенькой тропке, нависшей над обрывом. Вдруг начинается сильный шторм, поднимается ветер, высокие волны буквально захлестывают тропку, по которой шла Люба, сбивая с ног. Люба растерялась, с перепуга заторопилась и сорвалась со скалы в море. Конечно, сильно расшиблась. Кое-как ее доводят до поселковой поликлиники, где Любе оказывают медицинскую помощь. Люба выходит из поликлиники, и ее взор останавливается на стоящем по соседству домике, буквально утопающем в цветущем саду. Его красота мистически и загадочно манит Любу к себе. Люба приближается к дому… и просыпается.

Этот сон Люба видела очень часто. И он не был беспочвенным и необъяснимым. Эта история случилась с ней в жизни, во время одной из студенческих поездок. История была неприятная, но все обошлось. Поэтому Люба совершенно не могла понять, почему ее до сих пор беспокоят эти сны. И этот дом. Зачем она к нему идет? Что она хочет в нем найти? И существует ли он вообще в реальности? У Любы даже проскакивала мысль снова посетить это место. И если бы в ее жизни было время на что-то, кроме работы — она бы непременно так и поступила. Отправилась бы к этому месту и выяснила для себя, есть ли там этот домик и что в нем такого особенного. Но времени у Любы не было. И поэтому ей было абсолютно не до суеверий и странных снов.

Одновременно с напряженной работой в театре, Люба в 1985 году заочно заканчивает актерский факультет Государственного института театрального искусства (ГИТИС) имени А. В. Луначарского. Совершенно ее стихией оказалась «Соломенная шляпка». Настоящий канкан, пенящееся радостью зрелище. Как гостеприимная парижанка, она распахивала перед зрителями красоту Елисейских Полей, Лувра, Площади Конкорд, превращалась в светскую львицу баронессу де Шампиньи, вздыхающую по знаменитостям, в танцовщицу «Мулен Руж» и даже в караульного опереточного солдата. Любу всегда притягивали полярные характеры и типы. В обозрении «Примеры из жизни» она играла немолодую, затюканную жизнью женщину. В течение десятилетий эта женщина безуспешно обивает пороги горисполкома, прося выселить ее из дома, под которым с войны лежит неразорвавшаяся бомба. Здесь Любе надо было выключить все крайние регистры, микшировать все краски. И поймать верную интонацию, жест. Вскоре после этой роли, Люба

встретила в электричке очень интересного персонажа. На сидении сидела женщина. Она держала очень большую авоську на руках и смотрела как-то тускло, в никуда. Подъезжая к Москве, чуть встрепенулась. Достала из сумочки помаду и без зеркальца стала кружить ею по губам.

Люба продолжала играть в Театре миниатюр. А вот в кино начались проблемы. И хотя Люба не очень любила себя как киноактрису, дефицит хороших ролей в кино огорчал ее. Ей предлагали только какие-то эпизодические роли или те роли, которые она совсем не хотела играть. А вскоре дело стало еще хуже. Ее, молодую, красивую, талантливую двадцатишестилетнюю актрису, отлучили от кино. И это изгнание растянется на долгие семь лет. Затем Люба вернется на большой экран. Но сейчас она об этом не знала. И эта ситуация больно и глубоко ранила ее душу.

Характер у Любы был достаточно скверный, и она об этом знала. Еще с самого детства ее бушующий темперамент не давал покоя ни ей, ни ее родителям. Но она никогда не могла подумать, что именно он, ее темперамент, сыграет с ней такую злую шутку. Немногие любили работать с Любой. Одного из режиссеров даже в дрожь бросало от одной ее фамилии — Полищук. Он краснел до кончика носа и буквально взрывался:

— Не смейте мне даже кинопробу показывать! Не хочу это видеть! У Полищук несоветское лицо! Забудьте про Полищук! Найдите мне нормальную актрису! — исходил пеной он.

И видимо, такая репутация не прибавляла Любе авторитета. Режиссеры сторонились ее. Последним случаем стал ее взрыв, когда ей не удалось получить роль. Тогда у Любы была замечательная проба, ей пообещали одну из главных ролей в фильме. Вдруг, за три дня до начала съемок, выясняется, что режиссер отдал эту роль кому-то из своих дам. А Любе — проходной эпизод. Люба не пришла на съемку принципиально. Ее вызвали в актерский отдел. Начальник так гневно смотрел на Любу, что, глядя на него, она понимала — он ее не поддержит и не поймет. Просто не поймет. Потому что Люба не собиралась ни заискивать с ним, ни трепетать перед ним. Подумать только! Ее осчастливили, дали такую возможность — сняться на «Мосфильме». А она не просто отказалась, она не явилась на съемку.

— Что Вы себе позволяете?! Что Вы из себя народную артистку строите? — не унимался начальник. — Я имею право запретить Вам сниматься не только на «Мосфильме», а вообще на всех студиях Советского Союза в течение семи лет!

Конечно, у Любы все внутри застыло. Она вообще не могла

понять, почему, когда люди разговаривают с тем, от кого хоть в малейшей степени зависят, у них в глазах сразу появляется какое-то рабское выражение? Даже перед гаишником. Ну, остановил он тебя, что же сразу трястись? Особенно ее это возмущало в мужчинах. Но сама она такой не была.

— Жила без кино до двадцати шести лет и дальше проживу! — бросила в ответ она. А на душе — кошки скребут. Позже она будет рассказывать своим друзьям о том, что совершенно не осознавала, что говорит, и даже не знает, как у нее это получилось.

В кино Люба все равно продолжала сниматься, но из-за разногласий с руководством у нее были лишь небольшие эпизодические роли. Естественно, такое состояние дел обижало молодую актрису, но она не отчаивалась и продолжала пробовать. Кроме того, Люба по-прежнему имела множество блестящих ролей в театре, которыми она могла гордиться и гордилась.

К слову, Люба всегда любила театр и восхищалась им. Ее всегда удивляло, как актер, который сломал ногу и еле передвигается в жизни, на сцене вдруг начинает танцевать… Это такая профессия. На время спектакля актер всегда здоров. Сама Люба не сможет выйти на сцену только два раза в жизни. Первый раз ей помешает гипертонический криз. От болей в спине из-за очень серьезной травмы позвоночника ей дадут лекарство, от которого у нее рванет вверх давление. Но в театр Люба все равно приедет. Хотя потом не сможет даже вспомнить, как садилась за руль. Это должен был быть спектакль Трушкина «Там же, тогда же» с Костей Райкиным. Любе даже удастся накрасить один глаз, а потом она упадет в обморок. Вскоре приедет скорая, ей сделают инъекцию чего-то для понижения давления, и тогда у нее… отнимется язык. И изрекать она сможет только что-то совершенно нечленораздельное: «м-м-бяу-э». А зрители будут ждать ее еще целый час. Но Любу увезут в больницу. И спектакль «Искушение». За три недели до выпуска Люба попадет в жуткую аварию. Видимо, так глубоко войдет в образ — там ведь все тоже начинается с дорожного происшествия. Премьеру ей придется играть в «ошейнике» — в аварии она получит жуткое смещение позвонков, сотрясение мозга. Люба не сможет навести резкость, не сможет понять, где стоит партнер. После этого случая пройдет еще целых полгода, прежде чем она снова сможет играть.

Премьера пьесы Михаила Булгакова «Зойкина квартира» в левитинском «Эрмитаже» стала Любиным бенефисом. Перед зрителем предстала печальная сатира-пророчество времени нэповского угара: женщина пускается на все, чтобы спасти

любимого мужчину, вывезя его туда, где возможна нормальная жизнь, то есть в Париж. Надо найти деньги, и она занимается бизнесом — создает модное ателье, плавно переходящее в притон и место «культурного разврата» для руководящих партийных товарищей. Люба играла булгаковскую Маргариту в отсутствие Мастера. Воланд тоже пока не появился, и она прикидывается чертовкой, чтобы вырваться из советского ада. К сожалению, сильно гадят китайцы с их жадностью к деньгам, продажей опиума и буддизмом. Гадят домоуправы, агенты уголовного розыска, знакомые проходимцы и партфункционеры, склонные к разврату. Мечта о заграничном рае определяет все поступки героев «Зойкиной квартиры», но из ада обыденности не убежишь. Безнадежно.

Самое главное знакомство в жизни

Люба снова проснулась от уже ставшего привычным для нее сна. Она снова падала с обрыва, снова выходила из поликлиники, снова шла к прекрасному дому… Любе было интересно, придет ли она когда-нибудь к этому дому? Откроет ли его дверь? Войдет ли внутрь? Покажет ли ей сон, что таится в этом доме, что он скрывает?

Но сильно долго она об этом не думала. Она быстро собиралась и бежала в театр. По пути к театру Люба размышляла. Недавно с ней начали происходить какие-то странные вещи. Все ее друзья как будто сговорились и начали ей нашептывать о каком-то замечательном, по их словам, таинственном мужчине, который хотел с ней познакомиться. Люба не могла понять, что такого особенного в этом неизвестном ей мужчине. И почему о нем говорят ее друзья, а не он сам? Почему он сам не ищет повода с ней познакомиться. Такого с ней раньше не случалось. И, возможно, именно поэтому Люба уже заочно заинтересовалась этим загадочным незнакомцем.

Она вспоминала настырные звонки Геннадия Хазанова и Марка Розовского, которые нараспев перечисляли ей достоинства замечательного художника и настаивали на ее знакомстве с ним. Все это очень забавляло Любу. И она была уже практически готова согласиться на встречу, но ее останавливал спортивный интерес. Ей было интересно, чем еще был способен ее удивить этот необычный человек.

Возвращаясь из театра, Люба чувствовала невероятную усталость. Придя домой, она набрала номер своей массажистки и назначила встречу. Люба любила снимать стресс после съемок при помощи массажа. Кроме того, после многочисленных падений мимо мата на злосчастных съемках кинофильма «Двенадцать стульев», Любу все чаще и чаще начинала беспокоить спина.

Люба лежала на кушетке и получала неземное удовольствие. Расслабление потихоньку полностью овладевало ее телом. Массажистка щебетала ей какую-то ненавязчивую нелепицу. Люба была в хороших отношениях с ней, но подругами назвать их было нельзя. И вдруг массажистка плавно подводит тему к живописи и произведениям искусства:

— Кстати, Вы знаете, Любовь Григорьевна, я знакома с одним просто замечательным талантливым художником, который неоднократно говорил о своей симпатии к Вам. Быть может, Вы окажете ему радость и познакомитесь с ним? — весело закончила массажистка.

Люба лишилась дара речи. Она уже смирилась с тем, что все ее богемные друзья наперебой расхваливают какого-то художника, но массажистка? Ее собственная массажистка? Люба была шокирована. Как этому мужчине удалось узнать, к какой массажистке она ходит? Связаться с ней? Это было похоже на безумие. Что еще он мог о ней знать? Любопытство взяло над Любой верх, и она согласилась на встречу.

После окончания очередного спектакля таинственный незнакомец, которым был известный художник Сергей Цигаль, пригласил Любу в ресторан. Но сначала он прокатил Любу на своем «жигуленке» по заледеневшим улицам так, что ее холодный пот прошиб. Их занесло, машина с диким визгом закрутилась, они такого штопора дали вокруг себя… А проделал он все это специально для того, чтобы посмотреть на Любину реакцию. Любая другая девушка выскочила бы из машины и сбежала от него куда подальше. Но Любе «экстрим» понравился, и именно тогда они оба поняли, что нашли друг друга.

В свое время, имея диплом биолога и хорошую работу, Сергей, вопреки логике, бросил все и поступил в Строгановское училище. Родители его были художниками, а бабушка, Мариэтта Шагинян, — писательницей. Сам Сергей стал художником-анималистом. Он рисовал животных.

Люба начала выпытывать у Сергея, откуда он ее узнал и почему так сильно хотел с ней познакомиться. Да еще и таким необычным способом. И он поведал ей увлекательную историю. Оказывается, однажды он со своими родителями пришел в кинотеатр. И в тот момент, когда на экране появилась Люба, он и его отец одновременно выкрикнули:

— Какая красивая баба!

А затем, чуть позже, Сергей увидел Любу на спектакле в театре «Эрмитаж». Он пришел на спектакль «Хармс! Чармс! Шардам!», в котором Люба исполняла несколько ролей. И в тот момент, когда Люба вышла на сцену, он точно для себя решил: «Эта женщина должна быть моей!». В тот день он приступил к «операции по захвату» сердца Любы — начал разыскивать их общих знакомых и просить их об одолжении.

— Я же понимал, что такая роскошная женщина, как ты, и не разглядит меня, обычного, в толпе своих поклонников, — говорил он Любе.

И он был прав. Его особый подход сработал. Любино внимание было полностью завоевано. Два этих разных человека с совершенно разными судьбами — девочка из омского барака и мальчик из элитной московской семьи — оказались очень похожими, буквально созданными друг для друга.

Сергей стал ее героем, потому что он стоически выносил ее скверный характер. Люба всегда была безобразно вспыльчива. Если бы не его терпение и чувство юмора, они бы разошлись сразу же. К тому же, Сергей был великолепным рассказчиком и очень нескучным человеком, что очень ценила в мужчинах Люба. Это ведь просто ужас — сколько вокруг скучных мужчин!

Люба искренне восхищалась Сергеем. Когда их, наконец, представили друг другу, она уже была о нем самого лучшего мнения. Ей понравилось, что он веселый, с чувством юмора и не пошляк. А как красиво он за ней ухаживал! Ее сердце растаяло, и Люба влюбилась. Снова.

Люба вспоминала, как сильно она любила своего бывшего мужа. Как она была готова ради него на все. Как хотела она провести рядом с ним всю свою жизнь. Она ведь действительно его любила. Когда-то. Она пыталась вспомнить это чувство и сравнить его с тем чувством, которое она сейчас испытывала к Сергею.

Нет, это были два совершенно разных чувства. С Валерой эмоции лились через край. Поэтому им было очень сложно разговаривать и понимать друг друга. И, кроме того, они были совершенно разными людьми, с разными амбициями и разными взглядами на жизнь. С Сергеем все было по-другому. С Сергеем они понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. С ним было спокойно и уютно, как дома. Люба понимала, что он — именно тот человек, который ей нужен, с которым она с удовольствием разделит свою нелегкую жизнь.

Новая семья

Люба и Сергей стали жить вместе. Расписываться они не планировали. Они прекрасно знали, что в их богемном обществе штамп в паспорте не имеет никакого значения. Можно быть счастливыми и без него. Любовь не требует законного подтверждения. Да и, кроме того, заводить новую семью Люба не хотела. Ее сын по-прежнему оставался в интернате. У нее не было возможности даже забрать уже рожденного ею мальчика, не говоря уже о том, чтобы рожать других.

Сергей действительно был непохож на Валеру. Валера бредил семьей, детьми. А Сергей бредил Любой. Для того, чтобы быть абсолютно счастливым человеком, ему было достаточно просто находиться с ней рядом. Сергей никогда не критиковал Любу, ничего от нее не требовал. Он знал, что эта женщина сама ему и дом, и семья. Кроме того, несмотря на свою широкую известность в высшем обществе, он практически перебивался с хлеба на воду. Он избрал себе очень нелегкую судьбу — судьбу художника. А художникам жить еще сложнее, чем актерам. Он всю жизнь будет мечтать обрести популярность, поклонников. Но этого не произойдет. По крайней мере, не благодаря его художественным произведениям.

Люба видела, как тяжело Сергею зарабатывать на жизнь. Но она не выставляла ему претензий, не устаивала скандалов. Она знала, что ее энергии хватит для того, чтобы прокормить их обоих. К чему она и стремилась, постоянно пропадая на киносъемках и гастролях. Сергей был благодарен ей за это. Он знал, что они могут быть вместе только благодаря Любе. Ведь сам бы он такую роскошную женщину не потянул. Его не беспокоило то, что Люба фактически была в их паре мужчиной. Главным для него было то, что они вместе. И он точно знал, что когда у него все наладится, когда он станет знаменитым на весь мир художником анималистом, он сделает так, что Люба навсегда покинет кино и театр. И заживет спокойной женской жизнью. Но пока устроить этого он не мог.

Люба и Сергей прожили вместе душа в душу целый год. Все у них было налажено, все их устраивало и они были счастливы. Казалось, жизнь приобрела, наконец, стабильность. Казалось до одной внезапно выяснившейся новости. Люба была беременна. Через несколько месяцев она должна была родить девочку.

Этого не ожидал никто. И это было очень не вовремя. Но назад дороги не было. Люба долго размышляла, что ей делать. Как поступить? Какое решение принять? Она очень хотела родить

девочку. Но как она могла себе это позволить? Ведь ее собственный сын прожил половину своей жизни в интернате. А самой Любе приходилось крутиться, как белке в колесе, чтобы обеспечить свою жизнь. Она понимала, что второго ребенка она просто не вытянет. Но она очень хотела найти выход. И она его нашла.

Вечером Люба сообщила новость Сергею. По его лицу было видно, что он не был готов услышать это известие. Но у Любы не было времени, чтобы ждать, когда Сергей придет в себя. Решение ей нужно было принимать сию минуту.

— Сереж, я очень хочу девочку, — взмолилась перед ним Люба. — Но двоих детей без отца я не потяну.

Немного помолчав, она продолжила:

— Может быть, ты женишься на мне?

Сергей был в растерянности. Люба не знала, что именно мешает ему ответить на ее вопрос. Страх? Но Сергей никогда не был трусом. Неуверенность? Это тоже не про него. Нежелание? Люба очень хотела верить, что не это. Но Сергей так и не дал ей ответа.

На следующий день Сергей пошел за советом к своим родителям. В двух словах обрисовав им сложившуюся ситуацию, он ожидал их реакции. Родители Сергея были очень образованными и интеллигентными людьми. Не размышляя ни секунды, они велели ему немедленно сделать Любе предложение, с цветами и на коленях, как полагается.

Так Сергей и сделал. Пара назначила дату свадьбы.

С родителями Любы Сергей знаком не был. Люба ездила в родной Омск редко и всегда одна. Сергей свою компанию ей никогда не навязывал. Но не сказать матери о своей второй свадьбе Люба не могла.

Стоя в телефонной будке, Люба испытывала ощущение дежа вю. Много лет назад, будучи еще совсем юной девчонкой, она звонила из этой будки маме и сообщала радостную новость. Но не сложилось. И вот она снова стояла в той же самой телефонной будке. Она не знала, что ответит ей мать, но одно знала точно — этому ее браку, второму, был уготован другой финал.

— Мама, я выхожу замуж. Сергей очень хороший человек. Он тебе обязательно понравится, — говорила Люба маме.

— Ты взрослый человек, дело твое. Смотри сама: раз ты уже побывала, хваленый был, а этого мы и не видели, — ответила ей Оля.

Это было мало похоже на благословение, но Люба знала, что мать всегда была и будет на ее стороне. Просто она, как и любая мать, переживала за свою дочь. Когда-то она очень радовалась

браку Любы с Валерой. И очень сложно потом переживала их расставание. Кроме того, она по сей день продолжала поддерживать отношения с мамой Валеры. Но Люба была уверена: стоит ей познакомить маму с Сергеем — он тут же ее покорит. Сергей был таким. Он не мог не покорить.

Родители же Сергея полюбили Любу, как родную дочь. Изумленная и радостная, сибирская рысь вошла в ухоженный столичный респектабельный дом внука легендарной армянской писательницы Мариэтты Шагинян. Здесь она увидела увешанные сплошь картинами высокие стены, уставленную бронзой и мрамором мебель, накрытый с рукотворным изобилием шикарный стол. В этом доме никогда не признавалась магазинная еда и ресторанные блюда, здесь готовили только сами по рецептам двухсотлетней выдержки. Она шарахнулась, когда ей предложили котлеты. Все, кто бывал в советских столовых, помнят эти накрытые косым лоскутом глазуньи шедевры общепита. Но это были котлеты-«крем», и сердце гостьи растаяло. С этих пор в ее актерскую жизнь вошли суфле, крем-брюле, желе, соусы, пудинги, супы-пюре, муссы, бульоны, корнишоны, спаржа и прочие изыски. И это притом, что она привыкла питаться лишь на ходу, колбасу откусывать зубами, а консервы открывать таким залихватским ударом консервного ножа, что стол вздрагивал. Когда Любовь впервые продемонстрировала этот фирменный удар жениху, тот изменился в лице и попросил больше такого никогда не делать. Проверив кулинарные навыки невесты, семья утвердила всего лишь одно коронное блюдо из сибирского барачного репертуара — жареный на сале картофель.

Вскоре Люба и Сергей поженились. Они были просто без ума друг от друга. Семейная жизнь Любы, наконец, начала складываться удачно. Она восхищалась своим мужем и была счастлива в браке. Сын Алексей появлению отчима обрадовался. Супруги забрали мальчика из школы-интерната и зажили полноценной счастливой семьей.

В тот день, когда Люба с Сергеем шли в интернат за тринадцатилетним Лешей, лил дождь. Но плохая погода не могла омрачить прекрасное настроение Любы. Она жаждала встречи с сыном. Ее переполняло счастье от осознания того, что теперь они снова всегда будут вместе, как и раньше. Но она еще не знала, что того Леши — милого маленького мальчика, которого она однажды утром привела в интернат, — больше нет. На его месте был уже взрослый парень со сформированным характером. Сформированным интернатом, учителями и пацанами, а не Любой. Она не знала того, что Алексей был очень обижен на нее за этот поступок и за свою жизнь. Не знала она и того, что с этого

дня сын с каждым днем будет все больше и больше отдаляться от нее, пока не отдалится полностью. Он так и не сможет простить ей того, что между его жизнью и своей она выбрала свою. Как сильно она будет себя корить за это, как сильно она будет ненавидеть тот жизненный путь, который избрала! Но это будет потом. А сегодня Люба, улыбаясь, шла на встречу с сыном. Чтобы встретиться с ним и больше никогда не расставаться.

Леша мужественно старался сдерживать слезы, но они бесконтрольно бежали по его щекам. Он так хотел домой! И не мог поверить в то, что, наконец, настал день, когда он навсегда распрощается с этими холодными чужими стенами и обретет семью. Сергей стал очень хорошим отчимом Леше. А спустя всего лишь несколько месяцев в семье появилось прибавление — родилась дочка Маша. Роды были нелегкими. Любе делали кесарево сечение, а после операции у нее внезапно случился приступ аппендицита. Тем не менее, удивительно мужественная Люба сумела найти в себе силы, поправилась и снова вышла на сцену. Но первое же выступление обернулось катастрофой: выполняя акробатический трюк, молодая актриса упала и выбила три межпозвоночных диска. С этих пор ее жизнь целиком и полностью станет зависеть от врачей, которые в течение многих лет безуспешно будут пытаться избавить любимицу публики от невыносимых болей.

Когда родители Любы узнали о рождении Машеньки, они сразу же поехали в Москву навестить дочь. Так они впервые познакомились с ее мужем Сергеем. Любины ожидания оправдались. Сергей с легкостью покорил их своим спокойствием и выдержкой. Кроме того, он не пил и не курил.

В 1985 году, когда родилась Машенька, Любе приходилось очень трудно. Ей сделали две операции, после чего у нее пропало молоко. В магазинах было пусто. Малышка очень болела. Кошмар! Вот тогда Люба подумала: надо свалить куда-нибудь. Ради дочки. Она понимала, что в тридцать пять лет за границей никому не нужна, и готова была работать даже уборщицей или посудомойкой. Потом депрессия прошла. Люба снова вышла на сцену и поняла, что никуда она не уедет.

Вещий сон

Сергей часто говорил Любе о том, что у него есть замечательная дача в Коктебеле, которую когда-то очень дешево купила его бабушка Мариэтта. Он очень хотел привезти Любу на эту дачу, чтобы там, у моря, она могла отдохнуть от своей ежедневной суеты.

Долго уговаривать Любу не пришлось. Она с юности любила отдыхать в Крыму и была очень рада представившейся возможности. Был ясный солнечный день. Люба и Сергей подъезжали к даче. Люба с интересом смотрела по сторонам, вспоминая знакомые ей с молодости места. А вот и поликлиника, в которой ей оказывали первую медицинскую помощь после падения с обрыва.

— Сереж, а долго еще ехать? — поинтересовалась Люба.

— Нет, Любаш, уже почти приехали. Не терпится? — улыбаясь, спросил Сергей.

— Очень хочу к морю, — сказала Люба в ответ.

И вот машина остановилась. Люба поняла, что они приехали. Сергей помог ей выйти из машины.

— Нам туда, — промолвил он, указывая на небольшой домик с красивым садом.

Люба не могла поверить своим глазам. Это был тот самый дом. Тот самый, который она видела в молодости, выходя из поликлиники. Тот самый, который преследовал ее в таинственных снах. Люба никогда особо не верила в судьбу. Она считала, что вполне достойна той жизни, которую она получила. Но этот случай… Он буквально обескуражил ее, лишил дара речи. Это была прямо какая-то мистика. Неужели все это время ее подсознание толкало ее на встречу с Сергеем? Это было невероятно.

Как будто завороженная, Люба молча приближалась к дому, окруженному шикарным цветущим садом. Он был точно таким же, как в ее сне. Сергей удивленно наблюдал за ней со стороны, не смея ее тревожить. Люба подошла к дому и отворила дверь. Перед ее взором как будто предстала картина из прошлого — домик был малюсенький, без окон и дверей. Не было никакой растительности — голые камни, и очень плохо было с пресной водой: в поселке стояла единственная колонка, из которой вода буквально капала. Невозможно было даже вообразить, какими трудами был выращен волшебный сад Мариэтты! Но сегодня дом был великолепно обставленным, уютным и по-семейному теплым. У Любы на душе стало тихо и спокойно. К Любе подошел Сергей.

Они еще долго стояли в прихожей, обнявшись, пока Люба рассказывала ему свою загадочную историю.

Жизнь молодой актрисы внезапно вошла в спокойное русло. Теперь она, наконец, могла перевести дух — отдыхать на семейной даче в Коктебеле, спать под шум прибоя до полудня, пообедать и снова лечь в постель, отоспаться за двадцать лет бесконечной маеты. Муж такому полусонному состоянию супруги был только рад:

— Мне нравится, как ты спишь, — говорил он Любе.

Когда в калитку ломились Любины поклонники, он выдавал себя за садовника кинозвезды. Чего-чего, а чувства юмора в семье Любы и Сергея всегда было в избытке.

Свой день рождения Люба всегда отмечала вместе с Сергеем и его родителями. Семнадцатого мая День рождения праздновала его мать, Мирель Шагинян, двадцать первого — отец, Виктор Ефимович и жена, Любовь Полищук. Отец Сергея писал стихи и посвящал их Любе. Однажды на их общий день рождения Любин свекор нарисовал на нее акварельный шарж в подарок. Затем он нарисовал еще несколько ее портретов. При этом сам Сергей Цигаль никогда не рисовал свою жену.

— Моя муза — борзая собака. Я рисую животных, — отвечал он на многочисленные расспросы.

Животных в семье Любы и Сергея любили всегда. Всю жизнь Любу Полищук сопровождали различные домашние животные. Однажды ее любимая питомица русская борзая Диана спасла ей жизнь. Беременная Машей, Люба часто ходила в Коктебеле делать зарядку на холм Тэпсень, рядом с их дачей, так как оттуда открывался невероятно красивый вид. А Диану Люба брала с собой. Она красавица была! Утонченная аристократка, очень умная, ласковая и добрейшая. Их следующая собака — Дуня — была дамой с характером, она охраняла. А эта нет. Она вообще даже «аф!» не выговаривала. Если бы к ним вдруг залез вор, она, наверное, еще и тапочки бы ему принесла. У нее была только одна забота — подойти и подставить башку, чтоб чесали. И вот однажды Люба с невероятным уже животом делала себе лениво зарядочку, глядя на море, у ног ее, как всегда, лежала их собака. И вдруг Люба услышала чей-то крик. Люба повернулась и увидела, что прямо на нее несется огромная разъяренная овчарка, у которой грудь шире, чем Любина попа, шерсть дыбом. Люба так перепугалась — за спиной обрыв, думала: «ну, все!». Она так и застыла с поднятыми в зарядке ручками. И в самый последний момент это их «растение» вдруг резко вскакивает, разворачивается, встает на задние лапы, на глазах превращаясь в огромное чудовище с жутким, как у крокодила — от уха до уха, —

ртом. Щелк, щелк, щелк! — и овчарка с визгом кидается наутек. Тут к Любе подбегает запыхавшаяся хозяйка:

— Что вы свою собаку не держите, почему она без намордника?!

А Диана, отогнав беду, походила-походила вокруг Любы и опять легла. Люба была потрясена! Пришла домой и говорит Сереже:

— Представляешь, она мне жизнь спасла!

О том, что Люба любит животных, знало все ее окружение. Однажды она прихватила котенка прямо в аэропорту. Ожидая своего рейса, Люба «познакомилась» с местной кошкой, на попечении которой находились два котенка. Один из них прямо-таки влюбился в молодую актрису, он цеплялся за ее юбку, карабкался на колени, а потом, усевшись на грудь, долго и безотрывно смотрел актрисе в глаза, словно гипнотизируя ее. Взять малыша с собой Люба не могла, она летела на гастроли. Распрощавшись с пушистым озорником, актриса направилась к взлетному полю, но тут путь ей преградил огромный черный кот, мордатый, с ободранным в драках хвостом. Он так же безотрывно уставился в глаза Любе, и тут молодая актриса заметила у него на шее белое пятнышко, точно такое же, как у маленького котенка. Она поняла, что это папа киски. Под его требовательным взглядом молодая актриса не устояла и увезла котенка с собой.

О своей любимице — кошке чернильного цвета Кисе — Люба могла говорить безостановочно. В свое время эта маленькая бестия сама нашла себе хозяйку. А было это в аэропорту «Быково». Рейс на Магнитогорск из — за тумана отложили сначала на час, потом еще на два. Задремав в кресле, Люба почувствовала, что кто-то ползет по ее ноге. Открыв глаза, она увидела, как цепкий черный комочек карабкается по ее длинной юбке, как по лестнице. Упорства малышу было не занимать. Вскоре котенок уже спал у молодой актрисы на коленях. Он был абсолютно черного цвета. Когда объявили посадку на рейс, актриса не смогла расстаться с найденышем. Так и улетели они на гастроли в Магнитогорск вместе.

Люба вышла из самолета описанная, вся в крошках от размоченного в молоке хлеба. В полете выяснилось, что эта кроха не умеет еще самостоятельно есть. Две недели молодая актриса кормила ее из пипетки. И вот уже в столичной квартире у Любы вместе с борзой Дуней начала подрастать черная как смоль Кися. Обе животины понимали Любу с полуслова. Причем кошка спала исключительно под мышкой у хозяйки. И Люба свою усатую боготворила. Верила, что та ближе к тьме, чем к свету, что у нее в запасе девять жизней. Молодая актриса была уверена, что Кися

обладает сильным энергетическим зарядом, наделена телепатией и ясновидением.

Люба очеловечивала своих животных, нередко брала их с собой на гастроли в другие города. И утверждала, что когда у нее болела спина — кошка приходила ее лечить: буквально распластывалась на хозяйке.

Люба готова была помочь любой живой душе. Было дело, прикармливала появившуюся в ее квартире мышь, подбирала дворовых щенков и пристраивала их в добрые руки. В сумке у нее все время лежали то сухари, то завернутые в пакет косточки.

Когда на заре своей творческой карьеры Люба ездила с творческими концертами по стране, она не могла предположить, что общество защиты животных раскинуло свои сети настолько далеко. Будучи в одном из сибирских городков, Люба прочитала на форточке гостиницы следующее объявление: «Товарищи! Не бросайте гандоны в форточку. Гуси давлються!».

Всем семейным традициям, которые появились в Любиной жизни, она была обязана семье своего мужа. Когда она появилась в Москве, у нее не было ни знакомых, ни друзей, ни родных — никого. И семейные традиции начались ровно тогда, когда она вышла замуж за Сергея. Сережина семья — по-московски гостеприимная, хлебосольная. Есть непременные даты, которые отмечались только дома, в семье: дни рождения, Новый год. И святой праздник — День Победы. Виктор Ефимович Цигаль — Любин свекор, Сережин отец, замечательный художник и академик — в этот день с самого утра получал неизменные красные гвоздики. Конечно, на праздники собиралась вся семья, приглашались друзья и соседи. Тогда стола не хватало, собиралось не менее тридцати человек, среди них было много знаменитостей — Тамара Макарова, Сергей Герасимов. Позже кто-то уйдет из жизни, кому-то станет тяжело передвигаться и ходить в гости, но семья будет собираться по праздникам всегда. Все, что было на праздничном столе, всегда готовилось своими руками. Пироги, кулебяки, всевозможные салаты и десерты — все блюда были вкусными и изысканными.

На капле выдавливать из себя… мужика

Только в своем втором браке Люба обрела настоящее счастье и спокойствие. У нее никогда не было желания сделать мужчину своим рабом. Она проклинала советское ханжеское воспитание и эмансипацию, а за некоторые свои поступки в молодости себя просто ненавидела. Люба могла в ресторане с шиком заплатить за весь столик. При этом даже не задумывалась о том, что она оскорбляла таким поступком мужчин. А сейчас… С годами ей все больше хотелось подчиняться, чувствовать себя слабой и беззащитной… Только после встречи со своим нынешним мужем, художником Сергеем Цигалем, она поняла, что такое быть настоящей женщиной. С тех пор, как она вышла замуж, она начала потихоньку по капле выдавливать из себя мужика. Оказывается, Люба могла быть образцовой женой: сидеть дома, шить и вязать.

Несмотря ни на что, в 80-е годы Любовь Полищук продолжала активно сниматься в кино, хотя больших работ в этот период у нее было немного. Причиной тому стал конфликт с руководством киностудии «Мосфильм», вследствие которого молодой актрисе стали отказывать в главных ролях. В 1984 году актер и режиссер Семен Морозов намеревался снимать свою дебютную картину «Полоса везения». В этой картине была роль, которая, по его мнению, была написана как будто бы специально под Любу — своеобразная загадочная женщина со странностями. Прошли пробы, и пробы удачные, но оказалось, что Любовь имеет серьезные проблемы с «Мосфильмом». Она предупреждала об этом Семена:

— Сеня, ты зря стараешься, меня все равно не утвердят — меня на этой киностудии не любят, — пыталась достучаться до него Люба.

Особенно напряженные отношения у нее сложились с всесильным начальником актерского отдела Адольфом Гуревичем, который буквально приходил в бешенство, видя Любу на экране. И, несмотря на то, что у Морозова был очень сильный художественный руководитель — режиссер «Баллады о солдате» Григорий Наумович Чухрай, снимать Любу в картине «Полоса везения» ему не разрешили, выразившись довольно категорично:

— Кто угодно, только не Полищук!

Семен видел причину этого в том, что Люба уж слишком выбивалась из образа советского человека, простого и надежного,

с которым можно пойти в разведку. Люба с ее экзотической красотой была наглей Марлен Дитрих. Будь Люба западной актрисой, играла бы именно такие роли. Кстати, Дитрих в начале творческой карьеры тоже не боялась быть смешной и искала в своих героинях забавные черты, чтобы повеселить зрителей.

Спустя пять лет Семен снова позовет Любу на съемки в картине «Происшествие в Утиноозерске». Тогда Люба скажет ему:

— Что-то у нас с тобой совместная работа не получается.

Но Семен будет настроен решительно и уверит ее, что на этот раз все непременно получится. С помощью Георгия Данелия, у которого в объединении будет снимать Морозов, кандидатура Любы будет все-таки утверждена. Свою роль Люба сыграет очень хорошо, но, к сожалению, фильм будет выпущен на экраны не в самое подходящее время. Это будет конец эпохи Горбачева, в то время интерес к отечественному кино упадет и оно постепенно сойдет на нет. Однако же, картина «Происшествие в Утиноозерске» найдет свои ни много, ни мало двенадцать миллионов зрителей.

Тем не менее, тогда Люба все же снялась в знаменитой мелодраме Вадима Дербенева «Змеелов», сыграла Адель Фортескью в детективе «Тайна «Черных дроздов». На киностудии имени Довженко Любе доверили главную роль в трагикомедии «Если можешь, прости…», а на «Лентелефильме» — в психологической драме «Эзоп».

Полноценно вернулась в кино Полищук в период Перестройки, и сразу с двумя яркими, серьезными, знаковыми ролями, которые показали многогранность и глубину ее актерского таланта: в фильмах «Интердевочка» и «Любовь с привилегиями». Оба эти фильма вышли на экраны в 1989 году, и Люба сразу же стала одной из наиболее популярных и востребованных актрис. Так блокада отлучения Любы от кино была прервана. А причиной тому послужило то, что Петр Тодоровский пригласил ее на роль в самый нашумевший перестроечный фильм «Интердевочка». Елена Яковлева, которая тоже снималась в этом фильме, впервые познакомилась с Любой, когда та пришла на съемки этого фильма. Макияж Любы был почему-то весьма оригинальным — один глаз был зеленым, а другой — синим.

— Люба, а ты зачем так странно накрасилась? — спросила у нее Елена.

— А мне просто так сегодня захотелось! — отвечала Люба.

«Интердевочка» впервые в отечественном кино прямо и незавуалировано демонстрировала жриц любви. Сыграть проститутку было очень смелым поступком для известных актрис.

В этом образе их приняли далеко не все, в том числе и близкие. Мама говорила Любе об «Интердевочке»:

— Мне не нравится этот фильм, не смотрю его даже.

По мнению же режиссера Евгения Гинзбурга, в «Интердевочке» Люба показала себя «блистательной актрисой эпизода». Люба подарила миру много прекрасных работ с ее участием. Но, все же, были те, которые запомнились зрителю больше других — «Интердевочка», «Двенадцать стульев», «Мужской сезон». Эти произведения стали наиболее переломными в актерской жизни Любы.

Театральный дом

Тогда же, в 1989 году, Люба начинает работать в «Школе современной пьесы» под руководством Иосифа Райхельгауза. Именно здесь она начала работать как актриса. Также она имела очень достойные роли в разнообразных спектаклях: «Антигона в Нью-Йорке», «А чой-то ты во фраке?», неизменном «Пришел мужчина к женщине» и других. Теперь у Любы появился еще один дом — театр «Школа современной пьесы». Здесь Люба получила все, о чем она мечтала в кино — роли, спектакли, которые ставились специально под нее. Она была основной артисткой театра. Билеты на спектакли с Любой раскупались на несколько сезонов вперед. Каждое представление становилось феерическим праздником. Актер Борис Щербаков говорил Любе:

— Люба, твоя работа в мюзиклах, в варьете наложила какой-то след. Ты привыкла дарить людям праздник — из любой, даже драматической ситуации, ты можешь сделать праздник!

Любе были очень приятны эти слова. И она знала, что это правда. Она действительно отдавала на сцене всю себя, по частичкам.

Иосиф Райхельгауз, режиссер театра «Школа современной пьесы», познакомился с Любой в Московском театре миниатюр. Ему сказали там:

— Есть у нас замечательная молодая артистка и певица Люба Полищук.

Они познакомились. И Иосиф сразу предложил ей сыграть всех невест, всех героинь в спектакле «Предложение. Свадьба. Любовь» по Чехову, Зощенко и Петрушевской. Люба изумилась:

— Да Вы что, это же сложнейшие роли, а я вообще не драматическая артистка — я пришла из «Мюзик-холла»! — кричала она.

В самом деле, Люба на сцену пришла практически из самодеятельности и рассказывала всем с иронией про своего папу, который говорил ей:

— Любка, я тут посмотрел — ты танцуешь, поешь… А когда ж ты работаешь?

Но она поступила в ГИТИС. Именно Иосиф заставил ее пойти на курс к Табакову. Сразу, еще студенткой первого курса, Люба начала сниматься в кино, и они с Иосифом почти на десять лет потеряли друг друга. И только в 1989 году встретились вновь.

К Иосифу тогда пришел ушедший из Театра Васильева Альберт Филозов и сказал:

— Новые настают времена. Можно сделать спектакль и

играть его.

Они с Филозовым стали думать, как сыграть пьесу «Пришел мужчина к женщине», и решили, что нужно позвать Любу. Репетировали этот спектакль в «Современнике», в маленькой комнатке. На костюмы денег не было. Они пришли к Любе домой, и она открыла шкаф:

— Ну, какой вы видите эту женщину? Скажите, какое платье надеть, — сказала она.

На спектакль она принесла свою одежду, ночные рубашки, массу реквизита. Во второй спектакль «А чой-то ты во фраке?» третьим они пригласили Алексея Петренко. Эти два спектакля стали шлягерами. Они поехали с ними в Израиль. Первая израильская гастроль, 1991 год, на улицах Тель-Авива перетяжки на русском языке, и на них — тоже впервые — русские артисты названы звездами. «Звезды русской сцены». С этих пор все себя начали звездами объявлять. Но Любу, Филозова и Петренко так называли по праву. Это была их первая антреприза, из которой потом вырос театр «Школа современной пьесы».

На одну из репетиций Любе принесли пуанты. Как тогда заблестели ее глаза! Она ведь с самого детства мечтала стать классической балериной. И это был не просто детский восторг, а восторг человека, получившего самое желанное. Она их почти целовала! Немедленно надела и вышла в них! А пела она… Не пародировала никого, а только чуть иронизировала в свой адрес. Когда она выходила на поклон в спектакле «А чой-то ты во фраке?», это был поклон, в котором артистка извинялась, что она не из Большого театра. Ну пусть она и крутила не тридцать два, а шестнадцать фуэте, но она крутила их так, что зал ревел.

Однажды Иосиф давал спектакль, в котором играла Люба, в Бонне. И немцы были в таком восторге от Любы, что некоторые из них, узнав, что Люба ехала в Люксембург на фестиваль, отправились за ней. Ехала Люба в автобусе, а за ним рулил влюбленный немец, рядом — еще двое поклонников с цветами. И махали ей. Артисты подходили к заднему стеклу:

— Люба, твои? — посмеиваясь, спрашивали они.

А Люба посылала им воздушные поцелуи. Приехали на спектакль, подарили цветы и уехали обратно в свою Германию.

В Израиле Люба с труппой жили на побережье, к Любе пришел человек и говорит:

— Что для вас сделать? Я офицер израильской армии.

— А прокатите меня на вертолете! Можете? — ответила ему Люба.

И он прилетел за ней на вертолете, чтобы покатать над побережьем. Она была отчаянная, рисковая, резкая. Она была

артистка! Могла спеть на гастролях тяжелейший спектакль, а потом труппу звали в гости — их угощали в тбилисских мастерских — и она снова пела… До утра.

Кинематографическая обстановка у Любы изменилась в девяностых годах. Именно тогда Люба сыграла в таких известных фильмах, как «Бабник», «Ширли-Мырли», «Интердевочка». После них Люба приобрела популярность и известность. Она покоряла своего зрителя тем, что могла быть роковой женщиной, но подавала это с иронией, ведь в душе Люба была настоящей клоунессой. Она никогда не боялась посмеяться над собой, и это, безусловно, подкупало всех зрителей. Больше всего она снималась в комедиях, хотя, на самом деле, являлась очень талантливой драматической актрисой. Но, несмотря ни на что, женщина никогда не роптала на судьбу. Она искренне любила своих персонажей и вкладывала в них всю свою жизненную энергию. Правда, сама Люба относилась к своей популярности с юмором.

Аэропорт Домодедово доперестроечного периода. Дамская комната. Людно. Экономными конструкторами с хорошим чувством юмора кабинки были оборудованы таким образом, что головы и ноги были выставлены на всеобщее обозрение, пока клиент стоит. Потом голова исчезает. Потом… Когда Любина голова показалась над экономной конструкцией, ее глазам предстала диковатая картинка: многочисленные людские ручейки объединились в один мощный поток, стремящийся в одну-единственную кабинку. В руках у потока белели многочисленные обрывки туалетной бумаги: ее благодарные поклонницы выстроились в очередь за автографами. В этот момент Люба ощутила себя на пике славы.

На пике славы

Любина популярность взлетела до небес в начале девяностых годов. Этому существенно поспособствовали ее роли в известных картинах Анатолия Эйрамджана: «Моя морячка», «Бабник», «Новый Одеон», а чуть позже — «Импотент». Хотя не все эти картины были высокого уровня, многим зрителям в то время они нравились. Из картин других режиссеров стоит отметить, прежде всего, роль супруги посла в комедии Владимира Меньшова «Ширли-мырли».

Меньшов просил ее сыграть в «Ширли-мырли» один из главных женских персонажей. Но Люба отказалась. Потом эту роль исполнила Инна Чурикова, а Люба блестяще сыграла жену посла. Владимир восхищался Любой, но при этом считал ее непростым, не слишком уживчивым человеком. Но это объяснялось не плохим характером, а просто она была удивительно принципиальной и всегда прекрасно чувствовала именно свои роли. По его мнению, наиболее ярко комедийный талант актрисы реализовался на драматической сцене. Он с замиранием сердца смотрел ее спектакли в театрах «Эрмитаж» и «Школа современной пьесы», театр абсурда был ей невероятно близок. Жена Владимира Меньшова, актриса Вера Алентова, работала с Любой в нескольких антрепризных постановках и также, как и муж, всегда восхищалась ее талантом.

Кино вообще использовало в основном комедийный талант молодой актрисы. Во многих картинах Люба исполняла роли роковых женщин с легким налетом иронии. Именно в этих ролях проявлялась ее уникальная особенность — прекрасные внешние данные «женщины-вамп» в сочетании с талантом настоящей клоунессы.

В девяностые годы — период развала кинематографа, когда количество фильмов во много раз превышало их качество — Люба снималась как никогда много. Люба была вынуждена принимать все предложения в кино, потому что ей было необходимо поднимать двоих детей, помогать пожилым родителям в Омске. После того, как Люба вышла замуж за художника Сергея Цигаля, ее жизнь легче не стала. Она думала, что актерская профессия самая унизительная и зависимая. Но как живут художники, она даже не подозревала!

Параллельно со съемками в кино, с начала девяностых годов Люба активно участвовала в проектах частных московских театров и антреприз. Так, в с 1994-го по 1996-ой год она играла в Театре Антона Чехова в двух спектаклях: «Там же, тогда же…» и

«Чествовании». А в 1995-ом году в театральной компании «Арт-клуб» она исполнила роль в спектакле режиссера А. Житинкина «Квартет для Лауры».

Кроме того, Люба любила театр «Школа современной пьесы». Иосиф Райхельгауз, владелец этого театра, вообще считал Любу основателем этого театра. В 1989 году они вместе с Альбертом Филозовым сыграли спектакль «Пришел мужчина к женщине», который стал началом театра «Школа современной пьесы». Люба играла более десяти лет, много лет была штатной артисткой этого театра. А потом была и следующая ее премьера, «А че это ты во фраке?», где все с тем же Филозовым и Алексеем Петренко они сыграли в этом выдающемся оперно-балетном трио. На протяжении многих-многих лет этот спектакль пользовался популярностью не только у москвичей, но также объездил многие страны мира. Актеры в этой постановке замечательно пели, замечательно играли и даже танцевали классический балет.

Отдав работе в театре добрых десять лет своей жизни, Люба решила из него уйти, когда количество антреприз в театре зашкаливало. Ей в корне не нравилось то, во что превратился театр. Театр всегда был ее любовью, но то, что с ним творилось в последнее время, было для нее невыносимо. Копеечные деньги, не зависящие даже от степени занятости актера в спектаклях. Этот уход нельзя было осуждать, кто-то из артистов не любит антрепризы, считает их искусством второго или третьего сорта, а кто-то считает, что это работа, и нужно зарабатывать деньги. Тем не менее, у Любы с Иосифом никогда не было конфликтов, она всегда продолжала приходить в театр. Они общались и вели телефонные и нетелефонные разговоры о театре:

— Ох, стариной бы тряхнуть, это бы сыграть, а это бы заново поставить… — часто говорила Иосифу Люба.

На юбилее Филозова Люба даже пришла и сыграла с ним сцену. А когда Иосиф затевал постановку первой чеховской «Чайки», они разговаривали с Любой о том, как и что лучше сделать.

Иосиф был хорошо знаком с Любиной дочкой Мариэттой. Кстати сказать, она, будучи еще совсем маленькой, ездила с ними на гастроли. Он также был в хороших отношениях с ее сыном Лешей и мужем Сергеем.

После того, как Люба покинула театр «Школа современной пьесы», она полностью переключилась на работу по договорам. В 1997 году на сцене театра «Эрмитаж» Люба сыграла в двух постановках Михила Левитина — «Зойкина квартира» Михаила Булгакова и «Безразмерное Ким-танго» Юрия Кима. В 1998 году в Независимой антрепризе вышел спектакль по пьесе Демчик

«Мужской сезон», где Люба сыграла в дуэте с Домогаровым. Наконец, в спектакле по пьесе Николаи «Искушение», поставленном театральным агентством «Арт-Партнер XXI» в 2000 году, она исполнила роль Эвы.

В 1999 году Люба удостаивается заслуженной награды за свою актерскую игру. Она становится лауреатом театральной премии «Чайка» в номинации «Самая красивая и стильная актриса года».

Люба была актрисой, которая себя абсолютно не жалела. У нее были боли в спине с молодости, и в последние годы ей было очень тяжело играть, даже в гримерной сделали специальную кушеточку для нее. Она отыгрывала первый акт того же «Фрака», или «Пришел мужчина к женщине», «Антигона в Нью-Йорке», а потом весь антракт лежала и, что называется, корчилась от боли. А потом выходила и продолжала играть весело и легко.

Люба — разносторонняя артистка, и, обладая внешностью классической героини, со всеми правильными чертами лица и фигуры, в то же время была острой, яркой, характерной артисткой, что бывает очень редко. Обычно такие женщины-красавицы любуются собой и считают, что их внешние данные и есть их содержание, внутреннее и такое объемное.

Люба, к счастью, так не считала и постоянно работала над разнообразными жанровыми проявлениями. Она замечательно играла, была замечательной драматической артисткой, абсолютно профессионально пела, она даже была солисткой «Мюзик-холла», еще до драмтеатра, и еще она профессионально танцевала. Люба была совершенной актрисой. Она умела делать все и делала это профессионально до последних дней жизни.

Актриса невероятно страдала от отсутствия своего второго — театрального — дома. Она почти завидовала актрисам, у которых есть своя гримерная. Но та несправедливость, которая существовала в государственном театре, ее не устраивала. Она вообще была убеждена, что скоро все театры перейдут на контрактную систему. К этому все шло. Потому что ей казалось бессмысленным платить зарплату семидесяти процентам актеров труппы, которые не заняты в спектаклях. Даже если они занимаются общественными делами. Она видела в этом целую систему несправедливостей.

Во-первых, невероятно маленький оклад. Если актер популярен, то его занимают каждый день, на репетициях и спектаклях. Иногда возникает премия, сумма которой чаще всего оскорбительна. Во-вторых, популярность, конечно, дают только телевидение или кино, но театр не предусматривает свободного времени. Если актеру нужно где-то сняться, то приходится врать

и изворачиваться. Вот она и ушла в антрепризу… Но если бы ее пригласили в какой-нибудь театр на роль в русской классике, Люба бы с удовольствием пошла. Даже бесплатно. Душой она не зажирела.

Любе никогда не нравилась Любовь Полищук как актриса кино. Ей вообще не повезло с кино. Там у нее не было серьезных предложений. То же и с телевидением, на которое ее просто не пускали двенадцать лет из-за «несоветского» лица. А когда лицо стало нормальное, советское, то есть российское, для кино Люба как бы уже постарела. И то, что могла хорошо сыграть на киноэкране, прекрасно делали молоденькие девчонки. Может быть, с чуть меньшим темпераментом…

В кино возраст заметен сильнее, чем на театральной сцене или даже в жизни. Когда Люба ехала на машине — а она просто обожала водить — многие в соседних машинах ее узнавали, опускали окна и говорили всякие приятные комплименты. А некоторые даже кричали:

— Любаня! Я вас так люблю! Умоляю — поехали пить шампанское!

Мечты сбылись

В последние годы жизни Любы ее популярность оставалась на высоте. Двадцать первый век принес ей новые работы в кино. 2000 год подарил ей две работы у Анатолия Эйрамджана в комедиях «День святого Валентина» и «Агент в мини-юбке». Кроме того, Люба исполнила одну из главных ролей в фильме «Тихие омуты» Эльдара Рязанова, а также снялась в телесериале «Русские амазонки-2».

Позже, с 2004 по 2006 год, актриса снималась в очень популярном телесериале «Моя прекрасная няня». Там она ярко и смешно, как и всегда, сыграла роль мамы главной героини сериала — няни Вики — Любовь Григорьевну Прутковскую. Эта роль была написана специально под нее, и даже имя у них с героиней было одно на двоих — Любовь Григорьевна. По сюжету ее героиня была энергичной и неутомимой особой, которая принимала активное участие в жизни своей дочери и всегда знала, как всем будет лучше и как надо поступать.

Однако, к сожалению, в полной мере талант замечательной актрисы так и не был использован. Большинство ее ролей были комедийными, а Люба одинаково успешно могла исполнять и глубоко драматические роли. Это хорошо продемонстрировал зрителю телесериал Юрия Кары «Звезда эпохи», который повествовал о знаменитой актрисе Валентине Серовой. В этой картине Люба сыграла мать главной героини — актрису Клавдию Плавникову. Здесь она сумела передать во всей полноте непростые отношения матери и ее знаменитой дочери.

В последние годы Люба перестала мечтать. Так получилось, что все ее мечты сбылись. Она любила, была любима, у нее были дети, дом, работа. Она должна была быть счастлива. И считала, что была достойна той жизни, которую получила. Годы и тяготы актерской профессии были не властны над яркой «голливудской» внешностью Любы. Она была одной из самых фактурных актрис отечественного кино.

— Женщине надо работать мало и в охотку, — часто говорила Люба.

Но это явно из области риторических пожеланий. Сама она, судя по всему, трудоголик. Роли в кино, постоянная занятость в различных театральных постановках, гастроли. И семья. Та гавань, куда возвращаешься с чувством величайшей отрады. Семья у Любы была очень творческая. Муж — известный художник, сын Алексей и дочь Маша выбрали многотрудное актерское дело.

Любе никогда не хотелось, чтобы ее дети были актерами. Но сын Алеша стал взрослым человеком и сложившимся актером. Он активно снимался, сыграл роли в фильмах «Ворошиловский стрелок» и «Чек». Алексей был замечательным актером. И Люба это знала не только как зритель, но и как партнер. Они вместе играли спектакль «Квартет для Лауры». А дочь Маша ничего об актерском будущем не говорила. В школе у нее были способности к английскому языку, она неплохо писала. И вдруг заявила:

— Хочу быть актрисой!

Как только Люба ее ни отговаривала — ничего не сработало. Первый год Маша не поступила, пошла работать в салон цветов, освоила профессию флориста, составляла изящные букеты. А затем все-таки поступила, все бросила и пошла учиться в Российской академии театрального искусства, бывшем ГИТИСе, который заканчивала в свое время сама Люба.

Хотя Люба очень любила своего сына, довольна его воспитанием она не была. Она считала, что взяться за ум ему удалось слишком поздно. А до этого были разные закидоны. И это беспокоило ее, потому что она не сомневалась: проблемы детей — в самих родителях. Во всех недоразумениях, которые происходили с ее детьми, она считала виноватой себя и только себя. Потому что в водовороте работы, в бесконечной погоне за тем, чтобы обеспечить детей едой и одеждой, она невероятно мало уделяла им времени. Поэтому во всем виновата была она.

Люба считала, что вопрос воспитания — непростой. С одной стороны, детей нельзя отпускать от себя — вокруг так много соблазнов, в которых трудно разобраться ребенку. С другой — они должны становиться самостоятельными. Но при этом их надо постоянно проверять, контролировать. Делать это, правда, нужно тактично. Все неприятности с детьми — это родительские ошибки. Чем старше дети, тем больше проблем. Далеко непростые ситуации бывают и в школьном дворе, и в подъездах, и в отношениях с мальчиками и подружками.

Как-то Люба нашла у дочери зажигалку и косметику, которая, даже если это подделка, все равно недешево стоила.

— Я экономлю деньги на завтраках! — не без вызова объясняла Маша Любе. — Разве я не имею права?

— Имеешь, — отвечала ей Люба. — Но разве нельзя потратить деньги — тем более в буквальном смысле слова оторванные от себя — с большей пользой? И зачем ты покупаешь крем-пудру «Макс Фактор», если у тебя такая прекрасная гладкая кожа?…

Маша молчала. Она была, конечно, непростым ребенком. Но когда Люба вспоминала себя в этом возрасте, ей казалось, что

Маша просто ангел по сравнению с ней. И Люба, слава Богу, не забывала, что и сама была оторва будь здоров. Это вовремя останавливало ее и не позволяло ей быть диктатором. Она была убеждена, что семейная диктатура дает очень плохие результаты.

Люба очень любила своих детей. Она всегда пыталась с ними разговаривать. Не морали читать по любому поводу, а именно разговаривать. На самые разные темы: жизни, любви, секса, домашнего хозяйства, отношения к своему телу и о массе всего другого. И уж тем более, если ребенок, краснея, о чем-то ее спрашивал, она понимала, что этот вопрос у него назрел. И ему нужно это объяснить, пусть даже краснеть при этом приходилось ей самой. Иначе его за пару минут «просветили» бы более «образованные» друзья-подружки в ближайшей подворотне. И целиком ее виной было бы то, что он что-то не так понял, и от чего-то она не смогла его уберечь. Если, к примеру, у дочери было плохое настроение, Люба обязательно подходила к ней и спрашивала:

— Маша, что у тебя случилось? Маша, бывало, отвечала:

— Мам, не сейчас, потом!

В такие моменты Люба в душу к ней не лезла. Она знала, что когда-нибудь Маша с ней поделится. Или нет. Сама решит. Она считала, что дети сами должны определять пределы откровенности.

У Маши был весьма своеобразный стиль — от классики до бомжистости. Любе всегда нравились гламурные вещи, Mania же их не воспринимала.

Люба не была рада Машиному выбору, но считала, что дети должны пройти собственный путь удач и ошибок. К тому же, может, все у нее сложится прекрасно. Как никто другой, Люба желала этого. Вообще, Маша была на удивление самостоятельным человеком. Это доказал конкретный эпизод.

Два раза на Машу вечером нападали в подземных переходах. С ног сбили, сумку утащили. Люба с Сергеем перепугались и сказали:

— Все, будешь ездить на машине, чтоб от крыльца до крыльца!

Научилась она водить, села за руль. Тут Любе с Сережей выпала возможность отдохнуть на курорте в Китае. Изумительная, кстати, оказалась поездка. Вернулись они домой и узнают, что дочь устроилась официанткой в кафе, которое находилось аккурат напротив МХАТа. Люба начала выступать:

— Мои коллеги туда заходят! Что они подумают? Что тебе есть не на что?

Маша спокойно переждала этот всплеск и объяснила:

— Дорогие родители. Все дело в том, что пока вас не было, я на машине попала в аварию. Вы только не волнуйтесь — на мне ни царапины. Но чтобы отремонтировать машину, мне нужно было где-то добыть девятьсот долларов.

— Маша, ты в своем уме?! — не унималась Люба. — Да разве мы тебе не дали бы эти доллары?

— Дали бы, конечно, — отвечала Маша. — Но я должна была заработать их сама.

И когда об этой истории узнали Любины коллеги, их реакция была единогласной.

— Люб, у тебя замечательная девочка, — произнес кто-то из них.

И Люба знала, что это правда. У нее были замечательные дети и замечательный муж. К сожалению, реализовать себя как художник он так и не смог. Хотя художником он был невероятно талантливым. Славу и известность же ему принесли кулинарные заметки. Сережа очень хорошо готовил и решил создать телепередачу, в которой они вместе с Любой ездили по разным странам мира и собирали диковинные рецепты. На улице его иногда останавливали и просили автографы. Он удивлялся:

— Вот же, рядом Полищук, у нее и берите!

А потом с горечью добавлял:

— Вот если бы брали автографы за мои рисунки, а тут — за рецепты.

Но Люба всегда поддерживала мужа и любила его вне зависимости от его успехов и неудач.

Талант не разменивают

Будучи актрисой, которая знает себе цену, сниматься в сериалах она не любила. Потому что ее все время предлагали какую-то ерунду: или роль неинтересная, или ее героиня умирала от жутких, неизлечимых болезней, или оплата была недостойная, просто оскорбительная. Согласилась она сыграть только в «Моей прекрасной няне». Здесь у нее все совпало: ей понравился сценарий, в котором было много сметных диалогов, интересные партнеры, любопытная сюжетная линия, легкая атмосфера на площадке, нормальный гонорар. Да и технология съемок была для нее не совсем обычная — в присутствии зрителей, с их живой реакцией на происходящее. Все происходило очень быстро: сегодня запись в студии, через несколько дней — серия в эфире. Американский стиль работы.

Однажды режиссер одного из сериалов, в котором она отказалась играть, набросился на нее:

— Ну почему Вы все время отказываетесь? В чем Ваша проблема? Неужели Вы думаете, что всем нравятся их роли? Роли есть разные, и они все должны быть. Кроме того, я же Вам приличный гонорар предлагаю!

Люба окинула режиссера надменным взглядом.

— Талант не разменивают, — гордо ответила она, взмахнула шалью и ушла, не попрощавшись. Больше они никогда не встречались.

Неоднократно Любе предлагали и играть в рекламе. Но вот рекламой Люба не брезговала. Потому что она не халтурила, и даже в рекламе была честной и выкладывалась по максимуму. Для нее любая работа — будь то сериал, антреприза или реклама — была работой, которую надо выполнять в полную силу. Если партнер рядом халтурил — она по голове ему обязательно стучала, не позволяла отлынивать. От многих реклам она отказалась, потому что предлагали Бог знает что. Однажды, например, предлагали рекламировать какое-то лекарство, на которое даже не было лицензии. Неужели Люба могла призывать своих соотечественников травиться? Она отказывалась. Или от нее отказывались, когда она начинала пытать, что это за лекарство.

Почему-то, Люба сама не могла понять почему, ей часто предлагали играть лесбиянок. Но на это она пойти не могла. Она уже была хорошо научена собственным горьким опытом. После того, как она сыграла в «Интердевочке» проститутку, ей предлагали роли исключительно падших или роковых женщин.

Половину своей карьеры в кино она их играла, причем, очень хорошо играла. И если бы она так же хорошо, — а плохо она играть я просто не умела, — сыграла лесбиянку, то оставшуюся часть жизни ей пришлось бы играть только нечто подобное.

А вот играть в антрепризах Люба любила. Наверное, за право выбора: где играть, с кем и когда. К сожалению, сегодня актерская ставка в театрах была чудовищно мала, причем она не зависела от того, занят актер в спектаклях чуть ли не каждый день или раз в месяц. С другой стороны, у актера должна быть своя гримерка, где стоит его столик, его баночка с пудрой и его чашка с кипятильником — это же свой дом. Любе нравилось создавать уют в любом уголочке, где бы она ни оказалась. Все-таки она была больше женщиной, чем актрисой.

Люба и «Няня»

Последней работой Любы стал популярный телесериал «Моя прекрасная няня». На съемках этого сериала Люба обрела замечательную подругу, практически свою вторую дочь — Настю Заворотнюк, которая исполняла в сериале роль няни Вики. Для Заворотнюк этот сериал стал первой звездной работой, принесшей ей популярность. Помогала ей стать звездой именно Люба. Актрисы очень сдружились за время совместной работы.

Познакомились они еще на читке сценария и сразу друг другу понравились. Они работали с ней целый год на «Няне». К сожалению, во второй год, когда стали снимать новый большой блок, Люба из-за болезни уже не принимала участия в съемках. Хотя команда рассчитывала, что она вернется. И она вернулась! Снималась последняя свадебная серия, и она пришла! Для команды это была огромная радость.

Сериал очень много потерял без Любы. И она очень скучала по сериалу. За время, что лечилась и в Израиле, и в Москве, все время смотрела его по телевизору, передавала всем приветы. Настя приезжала к ней в больницу. Часто они с ней созванивались. Люба была необыкновенно мужественной женщиной. И даже чувствуя себя очень плохо, всегда блестяще выглядела. И над собой посмеивалась.

Однажды Настя пришла к ней в больницу и увидела, что ей нездоровится. А Люба, хохоча, рассказывает:

— Знаешь, тут шла, а ноги-то не держат, и вот как споткнулась!

И все она так смешно рассказывала, что они вместе хохотали! А в душе у Насти все сжималось от нежности к ней, ужас брал от мысли, как она проходит через такое, что она переживает, как ей тяжело, больно! И, тем не менее, у нее хватало сил, чтобы не жаловаться, не рыдать. Может быть, кому-то легче и поплакаться. Но мужество, с которым Люба все это переносила, вызывало у Насти несказанное уважение, восхищение.

Снимаясь в «Моей прекрасной няне, Люба уже была серьезно и неизлечимо больна. От своей команды она это не скрывала. Только сначала — первые две недели — молчала о том, что ей делают какие-то очень серьезные анализы… Обычно Люба никому не давала грустить. На съемочной площадке у нее не закрывался рот: постоянные анекдоты, байки, истории из жизни нон-стоп. И все рядом с ней начинали хохотать, что-то вспоминать, рассказывать. От нее они получали такой заряд радости и оптимизма — просто невероятный. А эти две недели она как-то

отмалчивалась, была сама не своя. И все стали расспрашивать ее:

— Люба, что случилось? Ты сама на себя не похожа.

— Да не знаю, такая странная история, говорят, что вот такой диагноз… — отвечала Люба.

То, как она лежала и мучилась от боли, видели буквально несколько человек. Все остальные видели блестящую Любу Полищук, которая прыгала, скакала, залезала куда-то, оттуда ныряла. Настя просто смотреть на нее не могла, потому что сразу же «кололась» и начинала смеяться! Это нужно было видеть! Сколько она всего придумывала! Импровизировала на ходу, фонтанировала идеями! Заражала своей энергетикой! За счастье было вместе с ней играть. Да и «кололись» они обе — она от Насти, Настя от нее. Если они встречались с ней глазами — это был просто аут. Несколько дублей — и все запарывали. Смехопанорама. И все вокруг смеялись. И когда на съемки должна была прийти Люба, все в группе старались пойти посмотреть, потому что знали: сразу начнется шоу. Она сама была — человек-театр.

Особо забавные истории были связаны с едой в кадре. Это было очень смешно. Люба в кадре с таким удовольствием ела, что, глядя на нее, все начинали есть. Но мало кто видел — как только заканчивался дубль, она быстренько незаметно все выплевывала и говорила Насте:

— Терпеть не могу эти сладости, мне бы мяса какого-нибудь, еды настоящей!

А ее постоянно в кадре заставляли поглощать сладкое и мучное. Настя очень любила конфеты и все подтрунивала над Любой.

— Эх, повезло тебе, Любка, что ты не сладкоежка! — говорила она.

Люба знала толк в еде. Ведь у нее муж просто замечательно готовил. Она всем взахлеб рассказывала о том, как готовит Сережа. Она его очень любила, хвалила его, гордилась им. Настя была рада, что у ее подруги такая замечательная семья… Люба приносила ей рецепты каких-то диковинных блюд. Однажды принесла испеченный мужем торт. И сказала ей:

— Знаю, ты не ешь мучное, тебе нельзя, у тебя фигура, но вот это просто должна съесть!

И они накинулись как сумасшедшие, разодрали этот торт, это было что-то невероятно вкусное!

Люба могла себе позволить любую еду. У нее была потрясающая фигура от природы, так что ей не нужно было никаких диет. Она блестяще выглядела! Даже в последний день, когда она пришла на съемки свадьбы, она стояла с прямой

спиной. Конечно, похудела, но такая красивая! У нее кожа была просто мраморная, такие пальцы длинные, глаза искристые, невероятные какие-то. Ноги идеальные. Уникальной красоты женщина, такой магии! Все вокруг замирали и понимали: да, это Женщина! Она так взмахнет, пойдет, что-то глазом так по роли сделает в сторону мужчины — и все! Смотришь — не оторваться!

Настя была очень благодарна Любе. У нее было чему учиться. Настя сначала в кадре стеснялась, закрывалась, но смотрела на Любу и училась этой свободе, раскованности, незажатости. И она у Любы такие фишки подмечала, которые рассказать: их так много, этих тонкостей. Ну, например, в одной сцене Настя должна была чихать. И Люба ей посоветовала нос сильно накрасить красным, как у алкоголика. И сказала ей:

— Когда чихаешь, глаза к носу своди, чтобы все понимали: уж так ты обчихалась, просто ничего уже не контролируешь, даже глаза съезжаются.

И Настя все сделала, Люба радовалась. Клоунаду она любила. Фактически Настя рядом с ней прожила маленькую, яркую жизнь. И, конечно, в памяти все это навсегда останется. То, что они, может быть, последнее время нечасто с ней виделись, никак не влияло на их дружбу. Она — мама. И Настя всегда ее так называла. И в обыденной жизни тоже. И это не были просто слова. Она ее очень любила.

Люба часто снилась Насте. Однажды приснилось, что Настя пришла к ней домой. Люба была с мужем. Они поговорили, а потом Люба говорит:

— Ты знаешь, тебе пора. Тебе нужно уходить, иди. А я — побуду здесь.

Это было словно прощание. После этого они уже не разговаривали больше. И Настя очень сильно об этом жалела. Раньше они говорили обо всем на свете. Очень много и по личной жизни, и по профессии. У них не было закрытых тем.

Люба обожала делать смешные разнообразные прически, это хлебом не корми. Говорила:

— Давай здесь хвостик сделаем!

И могла сама себе что-то там заколоть. Совершенно не боялась быть потешной. А некрасивой просто быть не могла — ее красота через любой грим была видна. Настя с Любой гримировались вместе. И она никогда не устраивала истерик, что у нее нет персональной гримерки, что рядом с ней кто-то еще сидит. Она была очень демократична. Одевалась всегда неожиданно, ярко. Не черно-белого формата женщина. У нее все цвета радуги. Радуга и внутри, и в глазах, и в игре, и на ней. Не была пресной. Терпеть не могла, когда сцена шла скучно. Ей все

придумать надо было, не сиделось на месте. Не могла спустя рукава даже одну маленькую сценку сыграть. Единственное, что ее могло вывести из себя — это бездарность. Со стороны актеров, режиссеров, да кого угодно! Но если видела, что не может ситуацию изменить, сдерживалась. Она была командным игроком, делала так, чтоб было лучше для общего дела.

Актерской профессией Люба жила. Ей было и тяжело, и сложно. Но она это любила, это было ее жизнью, счастьем! Эту профессию любил и ее сын Алеша. Он тоже как-то снимался вместе с мамой в «Моей прекрасной няне». Когда Леша снялся в сериале «Офицеры», Люба так радовалась за него, говорила:

— Вот, он такой молодец, здорово это сыграл!

Но при этом не уходила в такие «муси-пуси», все было очень достойно, искренне. Настя видела, как Люба любила своих детей, ими гордилась. А уж Настины дети Любу любили! Они приходили на съемки и просто обожали ее, называли только «мама Люба»! И все время ее передразнивали. И к Насте обращались ее фразой с ее интонацией: «Доню». Потому что они с ней всегда так друг друга называли — Настя Любу мамой, Люба Настю — доней.

В период съемок «Моей прекрасной няни» Настя разводилась со своим мужем. И Любу очень чувствовала ее в этом смысле. Поддерживала ее. Говорила:

— Это надо просто выстоять. Держись, как ты держишься, нормально, держись!

Она старалась принять и понять поступки и действия Насти.

— Так сделала. Ну и ладно, хорошо, — говорила Люба в очередной раз.

Она была умной и мудрой женщиной. Они с Настей поговорили, Люба выслушала, поняв всю ситуацию, поддержала Настино решение. Психологически очень помогала ей.

Даже зная о болезни Любы, никто себе не позволял думать, что она уйдет. И она как будто не позволяла думать о плохом. Настя ее видела незадолго до трагедии, и она только и говорила о работе, о делах:

— Вот, у меня скоро там съемки, еще будет проект, я уже хочу выйти на съемочную площадку, должна выйти!

Столько было в этом уверенности, мощной попытки заставить себя поверить, стоять, бороться. Наверное, были какие-то тяжелые моменты, но, видимо, они выпали только уже на долю самых-самых близких: мужа, детей — Лешу и Машу.

О последней встрече с Любой Настя запомнила очень многое. Запомнилось, что она очень много смеялась. И хотя Настя видела, что ей там больно, там больно, она — смеялась! И очень прямо держала спину…

Алексей Кирющенко был одним из режиссеров-постановщиков последней работы Любы — телесериала «Моя прекрасная няня». Они с ней прекрасно ладили. У него была вахтанговская школа, которая, прежде всего, предполагала показ, и когда он показывал Любе, что и как она должна делать в кадре, она приходила в восторг. Ей нравилось, что режиссер сам понимает, чего хочет от актеров. Ведь ей так часто приходилось сталкиваться с обратным. Много внимания она уделяла тексту: если ей что-то не нравилось, Алексей шел актрисе навстречу и переписывал. Особого фанатизма в ее отношении к этой работе не было, все-таки она понимала, что снимается не самый главный шедевр в ее жизни. Но если на площадке появлялся хороший партнер, у нее тут же загорались глаза, Люба импровизировала и буквально фонтанировала эмоциями, находя для своей героини все новые и новые краски. У нее была итальянская школа актерской игры — очень экспрессивная, эмоциональная, она же по образованию была эстрадной актрисой. Ее раздражали люди, лишенные чувства юмора. Это тоже сразу же было заметно — у Любы начинали ходить желваки, но воли своим чувствам она никогда не давала и Алексею своего недовольства не высказывала. Просто пахала, не делая себе послаблений и ни на что не жалуясь.

Люба была из старой актерской школы, для которой на первом месте была работа, а все остальное — потом. Хотя, надо сказать, что условия тогда были далеки от идеальных. «Мою прекрасную няню» снимали в стенах из гипсокартона, везде гуляли сквозняки, не хватало солярки для отопительных приборов. Но никто из актеров не жаловался — ни Заворотнюк, ни Жигунов, ни, тем более, Люба.

«Мою прекрасную няню» снимали блоками. После того, как был готов первый, Люба уехала. Ее ждали, а в это время доходила самая разная информация — что она в Израиле, лечится, что у нее какие-то проблемы со спиной. Но никто даже не предполагал, что диагноз настолько страшный. Алексей очень любил Любу, поэтому при встрече обязательно обнимал или поднимал ее на руки, но она всегда вскрикивала:

— Ой, спина!

Все думали, что у нее просто травма, справиться с которой современной медицине вполне под силу. Когда стало ясно, что Любины дела плохи, оставалось отснять только одну сцену — свадьбу главных героев. Кирющенко был против участия Любы в этой сцене, потому что понимал: ее жалостливых, тоскливых глаз, что бы он ни делал, от зрителей не спрячешь. Но потом все-таки решился.

Приехала Люба уже после химиотерапии, поэтому была исхудавшая, бледная, в парике — страшно было видеть эту красивую женщину в таком состоянии. Больше пятнадцати минут стоять Люба не могла, поэтому приходилось делать частые перерывы. Конечно, мощный темперамент остался при ней, она старалась работать сильно, ярко, но ее физических сил на поддержание темперамента уже не хватало. И это тоже очень больно было видеть — Люба ведь всегда лидировала на съемочной площадке, всегда выдавала на-гора массу актерских находок, а тут самой активной оказалась бабушка няни Вики, которая все время повторяла:

— Люба, сиди, я все сделаю сама!

Алексей не знал, как отснять последнюю серию. Сценарий был завязан на том, что врачи перепутали анализы и сказали маме няни Вики, будто она смертельно больна. Ее последнее желание — увидеть свадьбу дочери. И Вика с Шаталиным делают все, чтобы порадовать мать напоследок. Финалом всего этого и должна стать свадьба. Правда, потом оказывалось, что мама все выдумала, чтобы Шаталин наконец-то женился на Вике.

Были сняты все сцены, в которых не требовалось участие Любы. Команда ожидала ее приезда. Но когда Алексей узнал о ее диагнозе, то решил от этой серии отказаться — такой сюжетный поворот казался ему неэтичным, даже кощунственным. Но сценарий каким-то образом Любе попался на глаза (скорее всего, его показал ее агент Либерман), и она сказала:

— Я обязательно хочу это сыграть.

В тот день, на который были назначены съемки, все ждали ее до пяти вечера. Потом актеры, у каждого из которых было много своих дел, разъехались, а Алексей остался. Люба приехала с большим опозданием. Закурив, сказала:

— Ты знаешь, Леш, я на самом деле неплохо себя чувствую. Врачи сказали, что в июне я буду бегать!

Больше Алексей Любу не видел… Для него так и осталось загадкой, как замысел сценаристов мог так мистически совпасть — один в один! — с реальными событиями. Правда, в фильме все должно было закончиться разоблачением розыгрыша, а жизнь уготовила Любе трагичный финал.

Яблоко от яблоньки

Несмотря на то, что Люба знала, как тяжела актерская судьба и искренне хотела оградить от нее своих детей, она все-таки стала основательницей новой актерской династии. Ее сын — Алексей Макаров — стал одним из самых востребованных актеров нынешнего поколения.

О том, что Алексей Макаров — сын знаменитой актрисы, долго никто не знал. Мама никогда не хлопотала за сына, не проталкивала его своим авторитетом. Алексей закончил ГИТИС, работал в театре Моссовета, играл ведущие роли, снимался в сериалах. Алексей дважды был женат, обе женщины имели отношение к театру, но, тем не менее, ревновали мужа к профессии.

Алексей всегда любил баловать женщин, но никогда не мог стерпеть женское упрямство и желание все делать вопреки. А еще он ненавидел фиолетовую помаду на губах:

— Женщины всего мира, слушайте меня, это отдает мертвечиной, это ужасно! — говорил он.

Как-то Люба пристала к сыну с расспросами:

— Легла, ну зачем тебе это нужно? Ты же видел, как тяжело достается слава и чем для этого нужно пожертвовать. Ладно, я глупая по молодости была, не понимала. Но ты-то понимаешь! Ради чего ты умышленно идешь на такие жертвы?

— Ради влюбленных женских глаз, мамочка, — улыбаясь, отвечал ей Алексей. — Только ради них!

— Глупый ты! — вспылила Люба.

Но вскоре она поняла, что ее опасения излишни. Алексей был действительно талантливым актером.

Интересная неразбериха происходила с днями рождения Любы и Алексея. Двадцать первого октября телефон актрисы разрывался от звонков желающих поздравить юбиляршу с 55-летием: коллеги, приятели, даже давние знакомые почему-то уверены, что День рождения актрисы именно осенью. Сама Люба негодовала по этому поводу:

— Не знаю, кто пустил эту «утку», но меня это ужасно злит. Только родные поздравляют меня вовремя. Запомните, я родилась двадцать первого мая! — возмущенно говорила она.

Похожая ситуация и у Алексея: вопреки действительной дате рождения в его паспорте значится пятнадцатое апреля, хотя появился на свет он ровно двумя месяцами раньше.

В детстве Алексей испытал все прелести жизни актерского ребенка. Гастроли, разъезды… Уже в пятилетнем возрасте он

объехал почти всю страну от БАМа до Ташкента.

Решение стать актером у Алексея появилось еще лет в четырнадцать. Мальчику очень хотелось сняться в кино и увидеть себя на огромной, во весь фасад афише главного столичного кинотеатра. По окончании школы он подал документы в ГИТИС. Мама всячески отговаривала сына:

— Это не мужская профессия, денег там не платят, а ты очень независимый, очень гордый, у тебя циклоидный характер, взрывной, ты не сможешь работать с режиссерами, тебе трудно кого-то слушаться…

Но юноша был непреклонен. Да и Люба видела в сыне талант:

— Твой отец, на которого ты безумно похож, был одарен и актерски, и стихотворно, и музыкально. Я думала, что это обязательно должно проявиться в тебе, — успокоившись, говорила она Леше.

Но первая попытка поступить в ГИТИС оказалась неудачной. Алексей пошел работать. Он был ночным пожарным, распространял билеты в кабаре «Летучая мышь», и даже работал грузчиком на овощной базе. Со второго раза Алексей все-таки стал студентом ГИТИСа. Он был принят на курс Хомского, который работал художественным руководителем и главным режиссером театра имени Моссовета. Вместе с Лешей учились Евгения Крюкова и Екатерина Редникова.

Первый раз Алексей женился, будучи студентом ГИТИСса. Его первая жена была старше его самого на десять лет. Вся их совместная жизнь являла собой одно большое противоречие. Леша понял уже гораздо позже, что они абсолютно не подходили друг другу — двадцатилетний максималист и тридцатилетняя опытная женщина со своей концепцией жизни. Вместе они прожили лишь три года. Тем не менее, расставаясь с ней, он ей сказал:

— Я безумно благодарен тебе за все, что ты мне дала.

Дружеские отношения бывшие супруги сохранили и после расставания.

В 1994 году Алексей окончил ГИТИС и пришел работать в театр имени Моссовета — театр своего педагога. Тогда будущее молодому актеру представлялось прекрасным и безоблачным:

— Вот сыграю сейчас все на свете, заработаю мешок денег и кучу поклонниц, а потом еще не будет отбоя от предложений сняться в кино, — говорил он в семейном кругу.

Но все оказалось совсем не так. Единственной большой ролью актера за восемь лет работы в театре был Царь Ирод в спектакле «Иисус Христос — Суперзвезда». И Алексей в какой-то момент понял, что можно проработать так еще многие годы и, в

конце концов, оказаться никому не нужным. Так в двадцать девять лет он покинул театр, уйдя, в принципе, в никуда.

Отношения между знаменитой и признанной актрисой и ее сыном нельзя назвать идеальными. Только тяжелая болезнь Любы смогла сблизить их, сгладить то непонимание между ними, которое длилось много лет. Своим друзьям он признавался:

— Я никак не могу забыть, что мама в детстве отдала меня в интернат, и это отложило отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь! Нет, я бесконечно люблю и уважаю свою мать, но моей женой никогда не будет актриса! Я не хочу, чтобы мои дети росли без внимания и заботы родителей.

В этих словах звучала бесконечная обида и душевная боль. И Люба о них знала. Но не в ее силах уже было что-то исправить. Ни в чьих силах.

Алексей всегда прислушивался к мнению Любы и к ее профессиональным советам, но порой забывал проявлять необходимое любой матери внимание. Он пропадал на съемках, забывая звонить Любе. В то время, как она места себе не находила от переживаний.

Она мечтала, чтобы у сына была настоящая и счастливая семья, она так ждала внуков. Но два брака Алексея оказались неудачными, а вступать в новый он больше не спешил. И начал встречаться с актрисой Екатериной Семеновой. Эту влюбленность сына Люба не разделяла и пыталась всячески повлиять на сына и объяснить, что ему нужна другая женщина. Но Легла продолжал отношения с Семеновой, время от времени уходя от нее и снова возвращаясь.

Новость о неизлечимой болезни матери стала для него настоящим ударом. Он понимал, что спасти маму невозможно, но верил, что его любовь и внимание продлят ей жизнь. Да, он не мог с ней быть постоянно, как дочь Мария. Ведь он, профессиональный актер, не мог позволить себе срывать съемки. Но при первой же возможности сразу мчался в больницу и домой.

Трагическая история болезни

Люба практически всю жизнь очень страдала от сильнейших болей в позвоночнике. Все началось еще тогда, на давних съемках фильма «Двенадцать стульев», когда Андрей Миронов уронил ее на бетонный пол, и она сильно ударилась спиной.

Травмированный позвоночник дал о себе знать позже. Вторая травма произошла на сцене, когда, выполняя акробатический трюк, она выбила три межпозвонковых диска. Выписанное тогда обезболивающее спровоцировало гипертонический криз. На протяжении многих лет боли в травмированном позвоночнике периодически обострялись. Очередная травма случилась, когда Люба попала в ДТП. От удара у нее сместились шейные позвонки.

В октябре 2005 года она с сильнейшими болями в позвоночнике попала в Боткинскую больницу. Потом проходила курс лечения в Институте имени Вишневского и в НИИ нейрохирургии имени Бурденко, где ей сделали операцию, удалив часть позвоночника. На тот момент состояние пациентки врачи оценивали как критическое. Со временем самочувствие Любы улучшилось, но ненадолго. Она прошла курс лечения в Израиле, но реабилитация в частной израильской клинике не помогла, самочувствие стало еще хуже.

В начале марта 2006-го года Люба вернулась в Москву и, вопреки рекомендациям врачей, сразу отправилась на съемочную площадку. После этого боли в спине возобновились, и актриса вновь попала в больницу. После курса лечения врачи выписали Любу домой, прописав ей сильные обезболивающие препараты.

Она мужественно боролась с недугом, продолжала сниматься в кино и на телевидении. Летом даже ездила вместе с мужем в Коктебель отдохнуть на своей даче. Вернувшись в Москву, актриса вновь прошла обследование. Результаты оказались неутешительными, тяжелая болезнь не отступила. За несколько недель до смерти доктора прервали лечение, отменили назначенные процедуры и выписали актрису домой. Двадцать восьмого ноября, в шесть утра, у себя дома Люба скончалась.

Люба умерла утром во вторник в своей квартире в Большом Казенном переулке. Звонок в милицию поступил в 8.19 — родственница проснулась и обнаружила актрису мертвой. В последнее время здоровье известной артистки сильно ухудшилось. У Любы, которая была буквально прикована к постели из-за травмы позвоночника, обнаружилось онкологическое заболевание — саркома. Актриса испытывала нестерпимую боль. Ее состояние было настолько тяжелым, что

врачам поликлиники, которые обследовали пациентку, пришлось выписать наркотические анальгетики. Смерть Любы тяжело переживал ее супруг Сергей Цигаль. Мужчине, которому стало плохо с сердцем, тоже пришлось вызывать «скорую помощь».

Нейрохирург НИИ нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко, к.м.н. Юрий Кушель, объяснял мужу Любы:

— Сдавления спинно-мозгового канала на уровне поясницы произойти в принципе не может, так как в этом отделе позвоночника спинного мозга как такового нет. Но здесь часто случается защемление нервных корешков. Сам по себе этот недуг не приводит к летальному исходу. Однако вследствие защемления корешков поясничного отдела могут возникнуть различные нарушения, представляющие смертельную опасность для пациента. Это, в свою очередь, может привести к почечной недостаточности и в тяжелых случаях к летальному исходу. Защемление позвоночных корешков часто становится причиной развития онкологических заболеваний кишечника. Но все же, чаще всего сдавление нервного пучка в поясничном отделе не так опасно. Пациенты чувствуют боль в пояснице или ногах. Иногда, правда, развивается паралич нижних конечностей, что, впрочем, тоже не смертельно.

С самого раннего утра двери подъезда пятиэтажки в Большом Казенном переулке открыты. На работу пришла работница салона-парикмахерской, расположенного в доме, где жила Люба. Еще салон не открыла, как увидела, что дверь подъезда нараспашку. Сразу подумала: «Случилось что-то!». Около входной двери лежал осколок кирпича, которым недавно подпирали тяжелую входную дверь, окна квартиры на пятом этаже тоже были открыты, у подъезда столпилось несколько иномарок. К дому подъезжали друзья и близкие семьи.

Страшного известия о трагедии не ожидал услышать никто — каждый, кто знал о болезни актрисы, до последнего надеялся, что она справится. Охранник салона, глядя на происходящее, задумался. Ведь в последний раз ее видели в салоне августе. Она с большим трудом тогда передвигалась. С тех пор, как Любу увезли в больницу, ее и не видели больше. Она сама в салон больше не заходила. Вот Сергей стригся в салоне постоянно. Страшно было смотреть — лица в последние месяцы на нем не было. В случившееся не могли поверить даже врачи.

Они то и дело возвращались в квартиру Любы — выносили медицинское оборудование, целлофановые пакеты, полные лекарств, капельницы. Все то, что долгое время поддерживало актрису.

Возможной причиной стремительного угасания Любы могло

стать то, что на одном из этапов лечения специалисты не сумели сразу поставить ей верный диагноз и потеряли драгоценное время. В октябре 2005 года у нее внезапно появились сильные боли в позвоночнике. «Скорая» увезла измученную Любу в одну из лучших московских клиник — Боткинскую больницу. Доктора сделали все возможное, чтобы облегчить страдания актрисы, и, почувствовав себя лучше, Люба выписалась. Однако уже через некоторое время актриса вновь оказалась в руках врачей. На этот раз положение было намного серьезнее.

Люба поступила в реанимацию с кровоизлиянием в спинной мозг. Она была в очень тяжелом состоянии, никто тогда не брал на себя смелость делать какие-либо прогнозы. В клинике актрисе пришлось провести не один месяц. Сначала ее вывели из тяжелейшего состояния, сделали все, чтобы последствия кровоизлияния были как можно менее опасными. Назначили специальный курс физиотерапии, потому что ничего другого в таком положении сделать было невозможно.

Как только в состоянии пациентки возникла некоторая стабильность, Любе назначили очередное обследование, по результатам которого был немедленно созван консилиум лучших специалистов. Медики долго не могли определиться с дальнейшим лечением. Большинство склонялось к тому, что Любе необходима срочная операция, потому что произошло ущемление нерва. И лишь один из присутствовавших на консилиуме врачей настаивал на том, что положение намного серьезнее, чем кажется.

Специалист, который попросил не называть его имени и фамилии, рассказывал ее семье:

— Вы знаете, я сразу понял, что мы имеем дело с онкологией. Слишком многое на это указывало. Но тогда меня никто слушать не стал. Большинство врачей сошлись во мнении, что актрисе нужно просто удалить поврежденный позвонок.

Оперировал Любу один из лучших специалистов отделения спинальной нейрохирургии НИИ имени Бурденко профессор Иван Шевелев. Сейчас, когда Любы больше нет, он не хочет говорить о ее болезни, считает неэтичным распространяться на эту тему.

После операции актриса перенесла тяжелый восстановительный период. В итоге состояние Любы настолько улучшилось, что медики позволили любимице публики уехать домой. Однако не прошло и нескольких месяцев, как Люба снова оказалась на больничной койке. На этот раз у нее обострился хронический холецистит. Лечением занялись опытные врачи НИИ хирургии имени Вишневского.

В конце концов, Люба уехала из клиники, не долечившись, и с головой окунулась в работу. Как раз в это время шли съемки

популярного сериала «Моя прекрасная няня», в которых она принимала участие. Но болезнь, увы, не отступала. Внезапно начались послеоперационные осложнения, и Люба опять вернулась в НИИ имени Бурденко. После очередного курса лечения ее муж, Сергей Цигаль, увез актрису на реабилитацию в одну из известных израильских клиник.

Заграничные эскулапы и поставили страшный диагноз. Длинный научный термин означал запущенный рак, который, к великому горю, не удалось распознать московским медикам.

— Теоретически можно в данном случае рассуждать о врачебной ошибке, — говорил Сергею хирург нейроонкологического отделения Дулат Мухамеджанов. — Но в пользу медиков, лечивших Вашу жену, говорит то, что рак костных тканей не определяется нигде в мире на той стадии, которая поддавалась бы лечению.

В специализированной московской клинике, где в последнее время находилась Люба, ей срочно провели несколько курсов химиотерапии и радиологического облучения. Увы, все старания оказались напрасны. Было слишком поздно…

Мемориал

В Омске появился музей Любови Полищук. Музей в память об известной актрисе театра и кино Любе Полищук, скончавшейся в ноябре 2006-го года, открыли ее бывшие одноклассники. Они принесли ее неизвестные фото в омскую школу, где вместе учились.

Двадцать восьмого ноября 2007-го года в Омске на здании средней школы № 97, где училась Люба (1960–1966), открыли мемориальную доску.

В коллекции костюма историка моды Александра Васильева хранится платье из жаккардовой ткани с атласной отделкой 1976-го года, созданное для Любы специально к фильму режиссера Марка Захарова «Двенадцать стульев». В частности, оно представлено в каталоге, посвященном экспозиции Васильева на выставке «Мода за железным занавесом. Из гардероба звезд советской эпохи», прошедшей в феврале-июне 2012 года в усадьбе Царицыно.

Можно было устроить просто вечер памяти. Но в «Эрмитаже» по банальному пути не пошли: в честь Любы, бывшей здесь в 80 настоящей примой, сыграли спектакль, ставший визитной карточкой театра — «Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов» — которому исполнилось двадцать пять лет. Выбор понятный — считалось, что именно на ней спектакль во многом и держался. Потом Люба покинула «Эрмитаж», а постановка идет и сегодня. Вероятно, с уходом актрисы из спектакля не могло не испариться что-то важное — возможно, это была та отчетливая лирическая нота, которую Люба вносила в любую, даже самую эксцентричную из своих ролей. И возможно, именно поэтому яркая праздничность «Хармса! Чармса!» с годами стала казаться этакой радостью напоказ.

Но на этом вечере в «Эрмитаже», конечно же, печаль преобладала над смехом. Все происходящее слегка напоминало спиритический сеанс — впрочем, режиссер Михаил Левитин и не скрывал, что по мере возможности хотел бы создать иллюзию, будто актриса и сегодня участвует в спектакле.

— А вот в этот момент Люба с грохотом распахивала дверь ногой… Катя, распахни! — говорил он новой актрисе.

И дверь отлетала в сторону, и в проеме мелькала стройная нога в туфле на высоком каблуке, и по сцене плыл луч света, обозначая мизансцены, где в этом эпизоде спектакля находилась Люба. Владимир Меньшов, Виктор Шендерович, Юрий Рост, Андрей Максимов рассказывали о том, как Полищук ходила к

начальству, добиваясь, чтобы Левитина назначили главным режиссером «Эрмитажа» или о том, что она до конца не оставляла надежды сыграть Гурмыжскую в «Лесе». Длились рассказы недолго, и голос Любы стремительно подводил под ними черту, произнося сакраментальную фразу спектакля:

— Раз-два-три… лови момент!

Панихида

Россия тридцатого ноября 2006 года попрощалась с народной артисткой России — Любовью Полищук, скончавшейся двадцать восьмого ноября рано утром в своем доме.

Последние часы с Любой провели ее самые близкие люди — супруг, мама, сын Алексей и дочь Мариэтта. На звонки журналистов домой отвечал продюсер актрисы Леонид Роберман.

— Актриса долго и продолжительно болела, а все остальное не имеет сейчас уже никакого значения, — говорил он в трубку.

Коллеги Любови Полищук хоть и знали о болезни актрисы, но известие о смерти все равно стало для них шоком. Люба скончалась в возрасте пятидесяти лет.

Последние несколько месяцев Любовь Полищук не появлялась на съемках, не посещала светских мероприятий, не играла в театре. Несмотря на старания врачей и упорство актрисы, справиться с недугом не удавалось и Полищук, устав бороться с болезнью, отказалась от дальнейшего лечения и вернулась домой.

В этот трагический похоронный день о Любе было сказано много красивых слов. Попрощаться с ней пришли все те, кто ее любил, и кого любила она.

— Любовь Полищук была воплощением актерской дерзости. Она была всегда красивой женщиной — молодой и озорной. Работать с ней было удовольствием, — сказал режиссер Марк Захаров.

— Мне до слез жаль, что когда она обрела все — и счастливую семейную жизнь, и любимую работу — она ушла от нас, с печалью в голосе произнес Владимир Меньшов, снимавший актрису в своем фильме «Ширли-мырли».

— Это была уникальная актриса, которая могла все — от комических до трагических ролей. Этот человек в моей жизни значил очень много, думаю, что не только в моей, торжественно говорил Леонид Роберман, руководитель театрального агентства «Арт Партнер XXI».

На панихиде по великой актрисе в Центральном доме актера Иосиф Кобзон, едва сдерживая слезы, вспоминал о своем последнем разговоре с Любой. Иосиф Давыдович признался, что разговаривал с Любой за несколько дней до ее кончины.

— Позвонив ей, я не узнал Любу, с которой общался раньше, — говорил свою прощальную речь он. — Ее голос был искажен болезнью. Но она убеждала меня, что все нормально, что это ерунда, и скоро она снова будет играть новые роли. Но я

понимал, что это говорит не она, а ее дух. Любаня была обречена. Она уже знала, что уходит… Я попытался ее успокоить, и вдруг она крикнула в телефон: «Иосиф, я жить хочу!».

Родные, друзья, коллеги и многочисленные поклонники пришли в Центральный дом актера проститься с Любой. С самого утра у входа в здание собрались сотни людей, чтобы проводить в последний путь великую актрису. В зал, где, утопая в цветах, стоял гроб, выстроилась очередь — люди молча стояли, дожидаясь, когда их пропустят. Даже сыну Любы, Алексею, пришлось подождать — охранники не узнали его и не впустили в зал без очереди. Прощание затянулось на несколько часов — народ все прибывал. В холле коллеги Любы делились своими воспоминаниями о ней.

— В театре есть такое понятие, как амплуа. А у нее не было амплуа. Она могла спокойно играть и графинь, и крестьянок, и даже мужские роли — когда она наклеивала бородку и усы, это тоже было бесподобно. Она превосходила всех нас — и по человеческим качествам, и по профессиональным, — рассказывала Лариса Удовиченко.

Александр Панкратов-Черный не скрывал ни от кого своих слез:

— Она всегда видела в себе трагическую актрису. Вот и сегодня — заставляет людей плакать. Последний раз мы говорили с ней по телефону полгода назад. Она тогда запретила мне приезжать к ней в больницу, сказав: «Саша, я хочу, чтобы ты любил меня всегда красивой, танцующей. Ни в коем случае здесь не появляйся — не тот антураж, не те костюмы». Она знала, что умирает, поэтому и сбежала из больницы — всегда терпеть их не могла. Какой толк там лежать, если можно встретить свой последний день дома, в окружении близких, которых она так любила. Россия потеряла очень много. Мы и так теряем много людей, а тут — такой талант…

— Я ощущаю страшную несправедливость. Она не сыграла всего того, что могла сыграть. Так часто бывает в нашей профессии, это жестоко. Остается только верить, что она ушла в какой-то лучший мир, — говорил Сергей Гармаш.

Пока поклонники прощались с Любой, ее сын, Алексей, скромно сидел в последнем ряду вместе с девушкой. Оба скрывали глаза за темными очками.

— Я тебя очень люблю, — постоянно повторяла спутница Алексея, держа его за руку. Поддержать Лешу в тяжелую минуту пришла его близкая подруга, Екатерина Семенова. Та самая Екатерина, которую так не любила Люба. Понимая, насколько велико горе сына актрисы, Катя лишь молча обняла его, когда он

выходил из зала.

В таком подавленном состоянии, как после смерти матери, 34-летнего Алексея не видел никто и никогда. У него не хватало сил, чтобы что-то говорить в ответ на соболезнования друзей и коллег. Он не хотел отвечать на звонки, а если и подходил к телефону, то с трудом находил какие-то слова. Он не верил, что его сильной, мужественной мамы больше не было рядом, и что он уже не сможет попросить у нее прощения. Не сможет сказать, что, как ему казалось, он был непутевым сыном.

Дочь актрисы Маша на время оставила место на сцене у гроба возле отца и незаметно спустилась в зал. Уткнувшись в плечо подруги, она говорила:

— Мне все говорят «держись», а я им говорю, сами держитесь.

Состояние мужа Любы, Сергея, было трудно описать словами. Он прошел с любимой женой все круги ада — от первого до последнего дня болезни. Он верил, что его Любочка обязательно поправится и будет снова улыбаться ему. Он не отходил от постели жены, которая умерла на его руках. Сергей сейчас держался из последних сил. Ведь он должен был быть сильным, чтобы помочь справиться с горем всей семье Любы.

Собравшиеся в Центральном доме актера вспоминали о ней, улыбаясь, — говорили, что актриса не простила бы грусти. В Доме актера на Арбате пришлось распахнуть запасные двери, чтобы впустить всех желающих проститься. Здание окружили сотни людей с букетами.

В зале Дома актера собралось много очень разных людей — Павел Чухрай, Владимир Меньшов, Сергей Гармаш, Игорь Иртеньев, Лариса Долина, Альберт Филозов, Игорь Угольников, Светлана Конеген. Они как будто демонстрировали, какой разной была актриса. В зале для панихиды о ней вспоминали так, что слезы сентиментальных быстро высыхали.

В холле Дома актера было накурено. Здесь говорили о страстности актрисы и ее чувстве юмора. И о кино, которое способно сохранить ее улыбающейся. Любу похоронили на Троекуровском кладбище. Гроб с ее телом провожали овациями. Когда из здания выносили гроб, в зале раздались громкие аплодисменты. Так поклонники в последний раз выражали свое восхищение актрисой — ее талантом и всей ее жизнью. Когда гроб с телом великой актрисы опускали в землю, неожиданно пошел дождь. Небо плакало, прощаясь с всенародной любимицей — Любовью Полищук.

* * *

Люба ушла из жизни очень рано. Но она прожила замечательную, счастливую жизнь, и ни о чем не жалела. Хотя и знала, что во многом в своей жизни была неправа. При всей своей интуиции, она очень часто ошибалась. Она была из провинции. А в провинции народ чище. В Москве намного больше грязи. Люба очень хорошо — на собственной шкуре — прочувствовала эту разницу, когда приехала в Москву. Постепенно жизнь научила ее: не надо так уж до конца раскрываться и до конца доверять. Надо во всем быть сдержаннее. И намного. С возрастом Люба стала хуже — менее доверчива. Но она не была обидчивой. Скорее — вспыльчивой. Но отходчивой. Но каждый раз, когда ее обманывали, использовали в своих интересах — это было для нее сильной душевной травмой. У нее надолго оставались рубцы. Правда, в последнее время их стало меньше. Наверное, кожа стала потолще.

Любе очень шло ее имя — Любовь. Она не могла без любви. И за границу ее хотели увезти — и в Америку, и во Францию. Но случалось и по-другому: сначала хоть сию секунду под венец, но когда узнавали, что ребенок… Но и Люба, конечно, всегда была безумно привередливой: то запах не нравился, то волосы в ушах, то еще какую-нибудь ерунду находила. Но все время повторяла себе: «Терпение. Терпение. Все будет хорошо». И вкалывала до самопожертвования, потому что бесконечно верила, что только благодаря работе добьется того, чего она хотела и чего была достойна в этой жизни.

Люба была человеком увлекающимся, импульсивным, вспыльчивым. Можно же и в тихом омуте устроить бурю. Но ей повезло — рядом с ней был очень терпеливый мужчина, интеллигентный и любящий. Только благодаря Сергею и его любви к Любе, их семья смогла просуществовать более двадцати лет.

Люба считала, что есть три кита, на которых основано счастье женщины: дом, семья, любовь. Это было ее абсолютным убеждением. Она никогда не сомневалась в этом. И чем старше становилась, тем больше в это верила. Даже несмотря на то, что она относилась к тем счастливым женщинам, которые любят свою профессию и востребованы в ней. Ведь есть масса людей, и, к сожалению, среди них немало женщин, которым работа не приносит радости. Им приходится отбывать ежедневную повинность. Любе же работать было всегда в удовольствие. «Наверное, просто повезло» — думала она. Может быть, повезло. А может быть, она была рождена для того, чтобы быть счастливой.